



Наследники по прямой

Вадим Давыдов

Всем смертям назло

«Автор»

Давыдов В.

Всем смертям назло / В. Давыдов — «Автор», — (Наследники по прямой)

Победа неизбежна – но и цена её неимоверно велика. Так бывает всегда, когда потеряно время, когда приходится исправлять ошибки и навёрстывать упущенное. Яков Гурьев прекрасно понимает это. Не дать стране сорваться в кровавую пропасть, спасти всех, кого можно – и необходимо – спасти. Не ослепнуть, не свернуть с дороги. И победить. История меняется прямо у вас на глазах – в последней книге трилогии «Наследники по прямой».

© Давыдов В.

© Автор

Содержание

Венок эпитафий	6
Мероув Парк. Июнь 1934 г.	8
Мероув Парк. Июнь – июль 1934 г.	9
Мероув Парк. Июль 1934 г.	12
Документы. Ноябрь 1933 г.	14
Мероув Парк. Июль 1934 г.	20
Лондон, Кембридж, Мероув Парк. Июль 1934 г.	23
Мероув Парк – Лондон. Июль 1934 г.	25
Мероув Парк. Июль 1934 г.	28
Мероув Парк. Июль – август 1934 г.	46
Лондон. Август 1934 г.	58
Мероув Парк. Август 1934 г.	60
Мероув Парк. Сентябрь 1934 г.	67
Лондон. Сентябрь 1934 г.	72
Лондон. Сентябрь 1934 г.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Вадим Давыдов

Всем смертям назло

Победа неизбежна – но и цена её неимоверно велика. Так бывает всегда, когда потеряно время, когда приходится исправлять ошибки и навёрстывать упущенное. Яков Гурьев прекрасно понимает это. Не дать стране сорваться в кровавую пропасть, спасти всех, кого можно – и необходимо – спасти. Не ослепнуть, не свернуть с дороги. И победить. История меняется прямо у вас на глазах – в последней книге трилогии «Наследники по прямой».

Венок эпитафий

*Когда погребают эпоху -
Надгробный псалом не звучит.*

А.А. Ахматова

*Надо идти всё дальше,
Дальше по той дороге,
Что для нас начертали
Гении и пророки.
Надо стоять всё твёрже,
Надо любить всё крепче,
Надо хранить всё строже
Золото русской речи.
Надо смотреть всё зорче,
Надо внимать всё чутче,
Надо блюсти осторожней
Слабые наши души.*

Давид Самойлов

*Мы кончены. Мы отступили.
Пересчитаем раны и трофеи.
Мы пили водку, пили «ерофеич»,
Но настоящего вина не пили.
Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы бредили боями,
А век велел – на выгребные ямы!
А век командовал: «В шеренгу по два!»
Мы отступили. И тогда кривая
Нас понесла вверх. И мы как надо
Приняли бой, лица не закрывая,
Лицом к лицу и не прося пощады.
Мы отступали медленно, но честно.
Мы били в лоб. Мы не стреляли сбоку.
Но камень бил, но резала осока,
Но злобою на нас несло из окон
И горечью нас обжигала песня.
Мы кончены. Мы понимаем сами,
Потомки викингов, преемники пиратов:
Честнейшие – мы были подлецами,
Смелейшие – мы были ренегаты.
Я понимаю всё. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактом.
Я говорю: «Да здравствует история!» -
И головою падаю под трактор.*

П. Коган

Господь! Прости Советскому Союзу!

Тимур Кибиров

*Нет здесь выхода простого,
Только сложный – быть людьми.*

*Ощущать чужую муку,
Знать о собственной вине...*

Н. Коржавин

*Но в том то и дело, что было не это.
Что разума было не так уж и мало,
Что слуха хватало и зренья хватало,
Но просто не верило слуху и зренью
И собственным мыслям мое поколение.
И так, о себе не печалась, мы жили.
Нам некогда было, мы к цели спешили.
Построили много, и все претерпели,
И все ж ни на шаг не приблизились к цели.
А нас все учили. Все били и били!
А мы все глупили, хоть умными были.
И все понимали. И не понимали.
И логику чувства собой подминали...
Уходит со сцены мое поколение
С тоскою – расплатой за те озаренья.
Нам многое ясное не было видно,
Но мне почему-то за это не стыдно.
Мы видели мало, но значит немало,
КАКИМ нам туманом глаза застилало,
С ЧЕГО начиналось, ЧЕМ бредило детство,
Какие мы сны получили в наследство!
Мы брошены в годы, как вечная сила,
Чтоб злу на планете препятствие было!
Препятствие в том нетерпенье и страсти,
В той тяге к добру, что приводит к несчастью.
Нас все обмануло – и средства, и цели,
Но правда все то, что мы сердцем хотели!*

Н. Коржавин



Мероув Парк. Июнь 1934 г.

Авторитет, думал Гурьев, авторитет. Попробуй-ка. Что думают они – Осоргин, Матюшин, все остальные – обо мне, – мальчишка, сопляк, которому некуда девать деньги, решил развлечься? Ну, что ж, господа. Придётся вам поверить: это не так.

Мало научиться управлять людьми, словно фигурками на ящике с песком, думал Гурьев, перебирая и медленно, в который раз, перелистывая папки с личными делами «курсантов», – они с кавторангом не один день просидели, составляя списки отделений таким образом, чтобы Гурьева устраивало всё – от роста и веса до возраста и психологического портрета. Надо научиться выживать там и тогда, где и когда выжить решительно невозможно. Мертвый не может никем управлять. Нам всем придётся напроочь забыть всякие глупости о красивой смерти в бою, потому что цель – не красиво умереть, а выжить и победить. Нет больше мира, есть война. Никто не объявляет её начало или окончание. Это война умов, молниеносных ударов и рейдов, ночных взрывов, нападений из-за угла, десанта прямо с неба, подкупа депутатов и министров. Радиопередача и банковский вексель – тоже оружие этой войны, иногда более действенное и смертоносное, чем винтовка или танк. Каждая ваша мысль, каждый шаг, каждое движение – это действие солдата на войне. Война повсюду. Весь мир – это война. Вся наша жизнь теперь – война, спим мы, обедаем или практикуемся в стрельбе по движущимся мишеням. Хотим мы воевать или нет. Война уже идёт, и никто не спрашивает нас, чего мы хотим. Так что будем учиться воевать. И побеждать, даже если это кажется невыполнимым. Вот только как мне всё это им объяснить?!

Мероув Парк. Июнь – июль 1934 г.

В сутках, как всегда, было всего-навсего жалких двадцать четыре часа. Выручали, конечно, инструкторы-японцы. Эти люди знали своё дело великолепно и выполняли его так, как и положено настоящим самураям. Курсанты, после недолгого периода вrastания в новую атмосферу, перестали воспринимать японцев как чужеродный элемент. Во многом этому способствовало весьма приличное владение инструкторов русским языком. Правда, со звуком «л» никак не складывалось.

Тэдди занимался наравне со всеми. Конечно, никто не требовал от него выполнения жёстких нормативов, но тянулся он при этом изо всех сил. Он уже совсем сносно говорил по-русски – его лингвистические успехи просто поражали, и Гурьев практически перешёл в общении с мальчиком на родной язык. Оставалась совершенно иррациональной только ненависть Тэдди к художественной литературе – а мемуары и хроники он глотал, не жуя. Офицеры обращались к нему – Андрей Вениаминович. Простенько, но со вкусом.

– Тебе скоро тринадцать, Тэдди.

– Да. Время так медленно тянется, Гур...

– Это тебе кажется, дружок. На самом деле оно несётся, как сумасшедшее. А нам нужно успеть провести один очень важный ритуал.

– Какой?!

– Скоро узнаешь, – Гурьев потрепал мальчика по плечу. – Поможешь мне в кузнице?

– Ещё бы!

И, только когда стало совершенно невозможно дышать от воздуха, разогретого раскалённым металлом, Гурьев вытолкнул Тэдди из кузницы и вышел на воздух сам. И чуть ли не нос к носу столкнулся с Рэйчел.

– Я принесла тебе полотенце, – проговорила она, улыбаясь, и закрываясь ладонью от солнца. На ней было надето совсем простое ситцевое платье, синее с белым воротничком, немного напоминавшее «матроску», и волосы были перехвачены сзади широкой синей лентой. И всё это вместе – её голос, яркий солнечный день, кузница, запахи и остужающий разгорячённую кожу западный ветер – так отозвались в сердце застарелой болью, – Полюшка, – что Гурьев сгрёб Рэйчел в охапку чёрными от сажи руками и принялся целовать так жадно, словно хотел проглотить. Ему отчего-то показалось – Рэйчел знала о том, что он вспомнит, и очень хотела напомнить ему именно об этом. А потом она поливала их обоих водой – Гурьева и Тэдди, и Тэдди вопил, подвывая от смеха, и Гурьев крутил их, как на карусели, – Тэдди под левой подмышкой, и Рэйчел под правой.

Наконец, щит был готов. Овальным, выкрашенный багряной краской, с кованой окантовкой и солнечным кругом-сварогом посередине. Гурьев вынес его из кузницы, четверо офицеров приняли его – все в парадной форме, с погонами и лампасами, проделали толстые древки рукоятей в тяжёлые кольца. Щит осторожно положили на землю, и Тэдди, кусая от волнения губы, взойшёл на слегка выпуклую, прогретую солнцем поверхность, – он был босиком, в одной батистовой рубаше с широкими рукавами и светлых бриджах, с непокрытой головой. Он присел, поджав под себя ноги, и офицеры, взявшись за рукояти, подняли Тэдди на щите и пронесли перед строем: справа – русские, слева – японцы. Троекратное «Ура!» и «Тэнно хэйко банзай!» подняло с крыш поместья тучи голубей, которых Рранкар проводил недовольным взглядом – беркут терпеть не мог этих глупых, жестоких птиц и никогда не упускал случая на них поохотиться. Рэйчел посмотрела на него и улыбнулась сквозь слёзы, а беркут, встопорщив крылья на загривке, боднул её ладонь – он страшно любил, когда Рэйчел гладила его по голове.

Офицеры поднесли мальчика к Гурьеву, который помог ему сойти на землю. Они вместе подошли к камню, накрытому белым полотном, словно памятник перед открытием. Матюшин

и Муруока, стоявшие там, одновременно потянули за концы полотнища и отбросили его назад. Надпись на камне –

«ЗДѢ АНДРѢЙ ПОДЪЯТЪ НА ЩИТЪ»

– была аккуратно вытравлена славянской вязью по трафарету.

– Ну, вот, – Гурьев посмотрел на мальчика и перевёл взгляд на Рэйчел. – Теперь ты – настоящий князь из рода Рюрика Сокола. А мы – твоя дружина.

– Это правда?

– Конечно, правда. И этот щит будет висеть в зале славы в твоём родовом замке, Тэдди. Здесь, в Метроу Парк. А там и... Мы восстановили очень древний обычай. Спасибо тебе, что ты согласился. Твой старший сын тоже когда-нибудь встанет на этот щит, и мы поднимем его так же, как поднимали сегодня тебя. А теперь, чтобы восстановить этот обычай по-настоящему, мы устроим княжеский пир. Тоже самый настоящий.

В этот вечер Гурьев, изрядно поднаторевший в геральдических тонкостях, объяснил присутствующим: вопреки распространённому в Европах мнению, русские князья – не герцоги, а, скорее, бароны и графы, и, хотя русскую систему лестничного права невозможно уравнивать с майоратом, всё же такое сопряжение – наиболее близкое и во времени смыслов, и в их пространстве. Именно потому – княжич. И – княгиня. Княгинюшка. Это не вызвало ни тени улыбки, ни тени протеста – усвоено и принято к исполнению.

В этот вечер отошли в тень все условности, и даже вечно застёгнутые на все пуговицы японцы – разумеется, только те, что были свободны от службы! – забыв о своих поклонах и бесконечных извинениях, пили вареные меды и закусывали жареной телятиной на рёбрышках и жареной же в глине рыбой, – Гурьев позаботился и о том, чтобы угощения в этот вечер были как можно более традиционны, никаких кулинарных изысков, никакого спиртного в бутылках. В этот вечер Рэйчел впервые за много лет пела под аккомпанемент фортепиано и гитары – и навсегда заняла место Прекрасной Дамы в сердцах ошеломлённых и околдованных её голосом людей, казалось, уже забывших о том, что пением можно так восхищаться. В этот вечер, слушая её голос, Гурьев подумал: именно этот голос ему хочется слышать всю свою жизнь – и саму жизнь слышать в звуках этого голоса.

В этот вечер Рэйчел, не отрывая от взгляда от Гурьева, который, кажется, веселился вместе со всеми, сказала Осоргину:

– Сыновей бы ему...

– За чем же дело стало? – осторожно покосился на неё кавторанг.

– Ах, Вадим Викентьевич, будь на то моя воля... Так ведь сказал же – пока даже мечтать не смей. Одна надежда у меня – на это его «пока»...

– Это... Из-за травмы?

– Может быть, он опасается немного того, что с ним случилось в Японии. Или нет. Боюсь, это для него всего только повод для манипуляций.

– Ну, так вы же женщина, – улыбнулся Осоргин.

– И что?! – посмотрела на него Рэйчел. – А он – не просто мужчина. Если... Обмана он никогда не простит. Не тот человек. Да и... Я только сейчас вдруг поняла: я впервые вижу его среди своих, а не как обычно, – вечно собранного, вечно готового к бою... Я так волнуюсь за него, Вадим Викентьевич. Вы только посмотрите! Ведь все молодые мужчины проводят столько времени в обществе себе подобных. Мне кажется, им это просто необходимо. Не может же он постоянно опекать меня, буквально не отходить ни на шаг?! Я же ему надоем. И у него... Ведь мы все его старше. Я – совсем чуть-чуть, а вы... Николай Саулович, остальные

офицеры. И по возрасту, и по званию. Не может ведь быть, чтобы он не думал об этом? Он же абсолютно никогда не отдыхает, не развлекается... Всё время дела, дела, бумаги, занятия... Он же надорвётся!

– Ну, вы, по-моему, преувеличиваете. А с вами? А с мальчиком он что же?

– Это ведь тоже не просто так. Вы же видите, что он сотворил с Тэдди...

– Не тревожьтесь, сударыня. Возраст... Ну, что – возраст. А со званием... С этим нет совершенно никаких проблем. Уж вы поверьте моему командирскому опыту, моя дорогая. У Якова Кирилловича и звание, и чин такой, что это вслух и произнести невозможно.

– Я знаю, – немного печально улыбнулась Рэйчел. – Ангел-Хранитель.

Лев Иерусалимский, подумал Осоргин. Меч Господень. Боже, спаси, сохрани и помилуй нас...

Мероув Парк. Июль 1934 г.

Осоргин находился при кают-компании неотлучно, гася возможные разговоры, могущие вызвать разброд и шатание. Когда миновали первые три недели и офицеры немного втянулись – так, что у них появились другие желания, кроме как рухнуть после тренировочного дня на кровать и забыться тяжёлым, как колосник, шестичасовым сном, молясь, чтобы «господа инструкторы» не устроили ночную тревогу, – Гурьев остался на ужин, решив: не сегодня, так завтра придётся, наконец, снизить до некоторых пояснений.

– А скажите, Яков Кириллыч! Вы, по молодости лет, нигде, кроме Красной Армии, служить ведь не могли?

– И там Господь не умудрил-с, – Гурьев развёл руками. – На самом деле, я ведь человек сугубо штатский, господа. То, что я военной историей и историей вообще исключительно сугубо интересуюсь, – это да, это есть. А школы армейской – чего нет, того нет.

– Яков Кириллович наш совершенно безосновательно скромничает, – Матюшин усмехнулся, поставил чашку на стол и посмотрел на Гурьева. – Вы уж меня извините, Яков Кириллович. Думаю, пришло время вам кое-что нам и порассказать... А?

– Неудобно, Николай Саулович, – вздохнул Гурьев. – Получается, что я как будто цену себе набиваю.

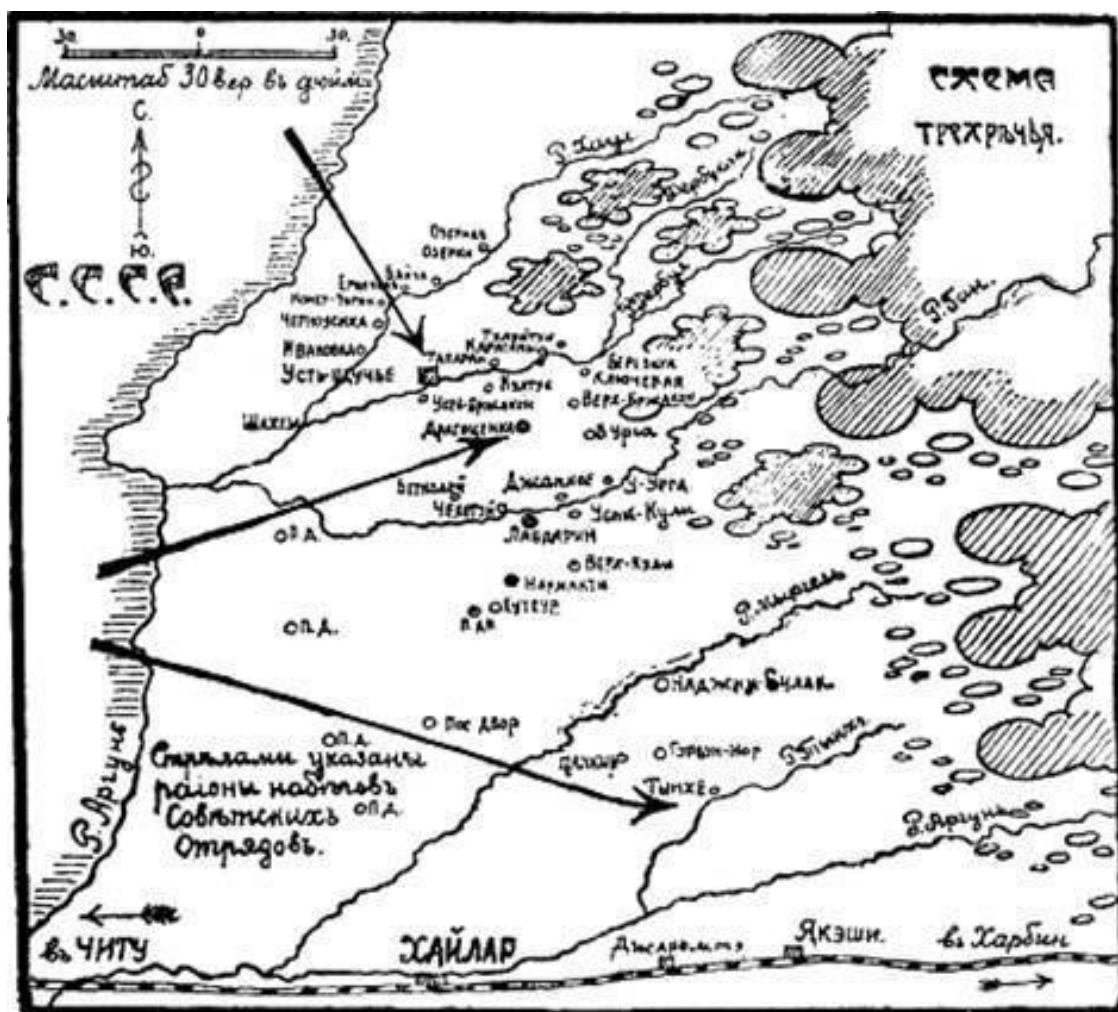
– Скромность – качество хорошее, конечно, – задумчиво произнёс Матюшин. – Но только, знаете ли, до известных пределов. Я тут подготовился, господа, вы позволите? Извините, если поздновато. Мозги уже не те, да и в оперативных средствах некоторое стеснение имеется...

За столом установилась мёртвая тишина, – генерала в «кают-компании» безмерно уважали.

– Да ради Бога, Николай Саулович... Не томите! – подал, наконец, голос кто-то из офицеров.

Матюшин не спеша достал из нагрудного кармана очки в простой тонкой металлической оправе, водрузил их на кончик носа, покосился на Гурьева, продолжавшего, как ни в чём не бывало, беспечно улыбаться и вдруг жестом фокусника-иллюзиониста вынул откуда-то из-за спины увесистую папку. Открыв её, генерал начал раздавать аккуратно сцепленные скобочкой листочки:

– Попрошу вас, господа, внимательно ознакомиться. Попрошу при этом учесть: для нашего дорогого Якова Кирилловича этот примечательный документ – совершенно такой же сюрприз, как и для всех вас. И тиражирую я его с некоторым трепетом, ибо клянусь – реакции на него Якова Кирилловича не знаю и даже предугадывать не берусь. Далее переносить, однако, то, что никто из вас, кроме меня и Вадима Викентьевича, не понимает, с кем его свело Провидение, невозможно. Поэтому – повторяю, прошу внимательно ознакомиться.



Документы. Ноябрь 1933 г.

Уполномоченному ГПУ по Забайкальскому р-ну тов. Глинскому.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Докладная записка ¹ по ситуации в Трехречьи (фрагмент)

Трёхречье Манчжурское разделено на две волости, в соответствии с неким планом, утверждённым, как провозглашается, белоказачьим атаманом Семёновым. Главной станицей Северо-восточной волости (СВВ) является станица Драгоценка, Юго-западной (ЮЗВ) – Тынша. СВВ по размеру существенно уступает ЮЗВ, соотношение территории – примерно 3 к 1 в пользу последней.

В СВВ исп. власть представлена уполномоченным ат. Семёнова полковником Бородниковым. Под ружьём у Бородникова может обыкновенно находиться примерно ок. 600 сабель, в то же время активных отрядов насчитывается от 4 до 7 каждый численностью 20 – 25 чел. В случае военных действий это число может быстро возрасти до 1,2 – 1,5 тыс. Ничем особо интересным это направление для нас не является, т. к. оно полностью пропитано агентурой. Влияние советской печати и пропаганды очень сильное, хотя область находится в стороне от КВЖД. Регулярные донесения подтверждают уверенность, что переезд в СССР по мере ужесточения продажного режима буржуазии и милитаристов Манчжоу-Го сделается неизбежным. «...».

Совершенно иначе обстоят дела в ЮЗВ. Контрастирование с северо-востоком тут разительное, прежде всего в части управления и организации вообще жизни, а так же военной области. Адм. центр волости – ст. Тынша. Здесь заседает Волостной Круг в составе: «атаман», «полковник» Шлыков; гласные волостные, в составе 5 чел. казаков; по 1 представителю от станицы или 3 – 4 хуторов и по 1 гласному от них же. При Волостном Круге действует также и Женский «круг», в кол-ве 3-х чел. В волости действуют мельницы ветряно-электрические – 7 шт., маслобойных заводов – 2 (...), конных заводов – 4. Также имеются: школы церковно-приходские (17), школы средние (2), учительские курсы, фельдшерско-акушерские курсы и училище под рук-вом бывш. проф. Загряжского, 1 монастырское подворье, в котором находится также больница, приют для детей и стариков. В приюте дети находятся обычно недолго, т. к. младших разбирают по семьям казаки, а старшие попадают в кадетское казачье училище на полное довольствие волостного круга. Население волости постоянно растёт и сегодня приближается к 70 тыс.

¹ В «Докладной записке» полностью сохранены орфография и пунктуация оригинального документа.

Культурную жизнь ЮЗВ можно характеризовать как насыщенную. В станицы регулярно наезжают кинопередвижки, выходят газеты «Волостной Курьер» и «Голос Трёхречья», работает книжная лавка куп. Аникишина в Тынше. Обе газеты имеют строгую антисоветскую направленность, регулярно публикуют клеветнические измышления о Соввласти и руководителях СССР, сообщения о «репрессиях» и т. п. Для неграмотных казаков проводятся коллективные читки газет при станичных куренях.

Важным считаю отметить бросающуюся в глаза особенность антисемитской пропаганды, проводящейся в Трёхречье. При известном вообще антиеврейском настроении казаков с некоторых пор проводится некое разграничение м/у т. наз. «жидокомиссарами» и «иудеями». «Жидокомиссары» обвиняются в преследовании не только «православных христиан», но также «иудеев» и «магометан», из чего настойчиво проталкивается вывод, что обе последних группы должны рассматриваться как «товарищи по несчастью». Самопровозглашённый «Митрополит Манчжурский и Харбинский» Мелетий (Заборовский) также регулярно высказывается на данную тему, призывая «молиться во спасение заблудших душ православных аще инославных, что вольно и невольно себя на путь диавольский воздвигли» (цитируется по проповеди в газ. «Голос Трёхречья» от 12.01.1932 г.) Отд. лица евр. нац-ти проживают в Трёхречье, наиболее изв. семья мелк. рем. Шнеерсона и пом-к ат. Шлыкова волостной секретарь (драгоман и писарь) Желковер. Отношение населения к указанным лицам или нейтральное, как к обычному жизненному элементу, или вовсе расположенное. На попытку, напр., с/с ² Пряхина завести в адрес Желковера антиеврейскую беседу, т. Пряхин был избит казаками ст. Буранная вплоть до отъезда т. Пряхина. Упомянутый Желковер играет в местном обществе заметную роль, будучи с царских времен известным китаистом и японистом, владеет мандаринским наречием и т. д. Сношения с манчжоускими и др. китайскими властями с его помощью имеет особенный вид, вследствие большого уважения японско-китайской администрации к Желковеру, которое автоматически переносится на все русское население, т. к. для властей Желковер является русским. По отрывочным сообщениям агентуры, Желковер отказался от места доцента в одной из североамериканских школ из-за того, что работает в Трёхречье. «...»

Собственными силами осуществляется в ЮЗВ поддержание гражданского порядка. Основная часть – т. наз. «Манчжурское Казачье войско» ат. Шлыкова, чей отряд с времени конфликта у КВЖД насчитывал ок. 300 сабель, в настоящий момент имеет состав ок. 1,5 тыс. кадровый с возможностью наполнения до 4 тыс., что уже представляет собой весьма значительную силу. В каждой станице, помимо станичного атамана, находится шлыковский «урядник» вкупе с 2-3 т. наз. регулярными казаками, т. о. решается помимо прочего вопрос продобеспечения и фуража. Основные силы квартируют в Тынше, которая на сегодняшний день представляет собой крупнейшую станицу края в кол-ве ок. 400 дворов. Застройка производится в соответствии с планом, две центральные улицы и площадь перед куренем волостного круга покрыты асфальтом. Казаки несут среди прочего обязанности по охране золотого прииска в верховьях р. Тыншейка,

² с/с – секретный сотрудник.

доходы от которого за вычетом используемого на подкуп местных властей в целях разнообразных послаблений тоже принадлежат волостному кругу. Под руководством Желковера и бывш. офицера царской армии Шерстовского предпринимаются регулярные топографирования и уточнение имеющихся уже карт, в т. ч. прилегающих областей СССР. В отличие от СВВ, с которой регулярно производятся казачьи рейды на территорию СССР, отрядов ЮЗВ в таких действиях незамечено. С другой стороны, опасность заключается ввиду постоянного просачивания несознательного крестьянско-казаческого элемента из СССР в ЮЗВ, о которой по всему Забайкалью распространяются сказочные легенды. Таковую опасность ни в коем случае нельзя недооценивать, поэтому я считаю необходимым мероприятия по агентурному проникновению всемерно углубить.

С момента провозглашения марионеточного государства Манчжоу-Го уполномоченным в ЮЗВ является майор Ген. Штаба Такэда Сабуро. Такэда, будучи в близко-родственных отношениях с начальником ЯВМ³ ген. Ямагита⁴, относится к русскому населению лояльно, практически в дела самоуправления не вмешивается, поскольку предпоставки войскам выполняются казаками точно в срок. Влияние Такэды, как лица, принадлежащего к наиболее реакционным кругам японской аристократии, следует признать очень значительным на японскую политику в отношении русского населения вообще. Майор Такэда регулярно инспектирует территории ЮЗВ, для чего останавливается в Тынше в т. наз. «гостином дворе». Такэда передвигается по ЮЗВ исключительно в сопровождении казаков, его собственная охрана из манчжоу-японских войск квартирует во время поездок в Тынше. Уполномоченный правительства по делам русской эмиграции ген. Рычков и его заместитель ген. Бакшеев являются безусловными ставленниками Такэды и проводят среди КВЖД-инцев и вообще русских согласованную с ним по всем вопросам политику. С появлением Такэды в целом настроение манчжоу-японской верхушки к Семёнову изменилось в худшую сторону. Значительную роль в этом надо признать именно за работой ат. Шлыкова, хотя и отмечаю, что никаких демаршей открытого вида против Семёнова он и его подчинённые не производят. Т. о., при соблюдении формального признака подчинения ат. Семёнову ЮЗВ находится вне влияния Семёнова и семёновцев, в особенности наиболее оголтелых и запятнавших себя вопиющими зверствами против трудового крестьянства и сельской интеллигенции. Не пользуется авторитетом также изв. Родзаевский, которого употребляют по мере возможности для антисоветских эксцессов на КВЖД и в самом Харбине. В ЮЗВ о Родзаевском отзываются как о «пустом человеке», в отличие от Семёнова, о котором мало говорят вообще. Причину такого положения вещей до сих пор не удается выяснить достоверно. «...»

Пресловутый ат. Шлыков, ранее во главе белоказачьей банды неоднократно совершавший грабительские набеги на территорию СССР, где с особой жестокостью казнил работников Соввласти, активистов ВКП(б) и комсомола, колхозного строительства, в наст. время от подобной деятельности отодвинулся. В качестве главы волостного круга ат. Шлыков характеризуется

³ ЯВМ – Японская военная миссия (в Харбине).

⁴ Генерал Ямагита – возглавлял ЯВМ до 1938 г., известный своими симпатиями к русскому населению Манчжурии.

населением положительно как лицо, осуществляющее власть умеренного но твердого образца. Употребление самогона и самогонварение хотя и имеет распространение повсеместно, однако не наблюдается не только усиления пьянства и хулиганства на такой почве, но имеется даже их значительное сокращение. Приписать такое действие одному лишь присутствию «урядников» в станицах невозможно, в связи с чем необходимо затронуть следующий факт.

Примерно начиная с середины 1929 в Трехречьи активно при поддержке пресловутого Шлыкова и некоторых других лиц распространялись слухи о появлении якобы «чудом спасшегося наследника-цесаревича Алексея Николаевича». Субъектом данных слухов являлось неустановленное лицо, некто Цесаревский, известный так же как Гурин или Гуров, замеченный в Тынше ещё в середине 1928 года. К сожалению, ни тогда, ни в последствии, так и не удалось установить личность этого белобандита, причину его появления в Тынше и пр. Имеются сведения о его родстве с рем. кузнецом Тешковым, жителем ст. Тынша. Во время активных действий на КВЖДинском конфликте банда Шлыкова была наголову разбита, а сам он с остатками банды бежал. Затем однако через непродолжительное время отряд Шлыкова, заново укомплектованный, препятствовал силой населению Трехречья, стремившемуся выйти назад в СССР. К сожалению, ввиду недоучета опасности эта деятельность имела впечатляющий население успех. Ввиду занятости боевыми действиями непосредственно на КВЖД части РККА 1-й Дальневосточной Армии не смогли своевременно разгромить банду Шлыкова, возглавляемую в тот момент уже не самим Шлыковым, а якобы Цесаревским. Как уже сообщалось ранее, он несёт полную ответственность за гибель красных партизан, героев Гражданской войны на Дальнем Востоке тт. Фефелова и Толстопятова с их отрядами, проходивших в Трехречье для устранения опасности белоказачьего удара и помощи сочувствующему СССР населению края. Упомянутый Цесаревский и является провокационным источником невежественных и деморализующих слухов. Некоторые факты позволяют предполагать, что Цесаревский являлся белогвардейским эмиссаром, посланным недобитыми врангелевцами на помощь своему дальневосточному ставленнику Семёнову. Однако большого вреда ему нанести не удалось, хотя слухи о его якобы невероятных военных успехах и личной храбрости не утихли до сих пор. В настоящее время его деятельность обросла таким количеством фантастических выдумок и измышлений, что одно только их перечисление займет внушительное место: так, ему приписывают якобы единоличный разгром нескольких крупных отрядов бандитов-«хунхузов», многочисленные случаи «чудесных исцелений», в частности, самого Шлыкова и пр. Среди жителей Тынши весьма популярна вымышленная история о якобы прибытии в Харбин некоей специальной миссии от японского микадо, каковая «признала» в Цесаревском «наследника» и «кланялась до земли» последнему. По поводу личности Цесаревского, как сообщают наши источники в Харбине, имели место разногласия в рядах служителей культа. Некоторые заядлые мракобесы из числа белогвардейских попов и сейчас убеждены, что было «явление наследника» и отказываются признавать сына Николая Кровавого мертвым. Цесаревскому же приписывается действительно нехарактерная – в некоторых деталях – для местных условий структура управления,

которая якобы введена в короткий срок по его указаниям. Надо отметить, что самоуправление очень мало бюрократизировано и поддерживается населением, что, в свою очередь, представляет серьезную трудность для агитации и пропаганды в пользу СССР среди казаков. Налажена, например, помощь семьям по утрате кормильца, бесплатное обучение грамоте и счету, оплата медпомощи в случае необходимости и т. п. Усилия сотрудников и агентов по выяснению подлинной личности и уточнению места нахождения Цесаревского существенных результатов не приносят, поскольку в этом вопросе население наименее охотно расположено к разговорам. Несомненна связь Цесаревского со Шлыковым и Шерстовским, появлением Желковера и Крайнева. По некоторым косвенным намекам возможно предположить, что Цесаревский в настоящее время пребывает либо в Японии, либо во внутренних районах Китая под покровительством японских милитаристов. Представляется, что в лице Цесаревского мы имеем матерого врага и непримиримого ненавистника делу строительства коммунизма в СССР. Трехреченское казачество убеждено, что Цесаревский отбыл за границу для сбора средств и сплачивания всевозможного эмигрантского отребья. Цесаревского некоторые руководящие товарищи склонны считать вообще выдумкой, каковое мнение всё-таки ошибочно. О самом Цесаревском на местах в Трехречье говорят часто во множественном числе «они», что может вполне означать на самом деле засланную группу эмиссаров Врангеля и РОВСа, возглавлявшуюся Цесаревским. В наст. время предпринимаются мероприятия к выяснению личности Цесаревского, к чему по моей просьбе привлечены агенты ГПУ в Японии и Нанкинской области.

Как было отмечено выше, агентурная, а в особенности агитационно-пропагандистская деятельность в ЮЗВ крайне затруднена, если сравнивать с положением в СВВ, Харбине и др. районах. Видимость порядка, высокая зажиточность и другие факторы производят деморализующее воздействие не только на местное население, но даже и на некоторых сотрудников. К сожалению, имели место случаи поверхностной, спустя рукава вербовки лиц в приграничных местностях, от которых вскоре после засылки переставали поступать сведения либо приходили известия об их переходе к белоказакам. В связи с этим теперь требуется значительно большая осторожность в таком деле, как вербовка и забрасывание агентов. Кроме того, поставленное на широкую ногу дело политического сыска под руководством бывш. жандармского поручика Крайнева, возглавляющего т. наз. «информационное бюро при Волостном Круге», а по сути почти что контрразведки, значительно осложняет и без того нервную обстановку работы агентов. ЮЗВ представляет собой анклав, в котором влияние посторонних властей, от японо-манчжоуских до семёновских, и влияние СССР очень слабое. Причину такого положения объяснить в наст. момент нечем. «...»

В связи со всем изложенным предлагаю произвести как можно скорее следующие мероприятия.

1. Выделить усиленные средства для контрбелогвардейской пропаганды, в т. ч. не только материальные, но и в виде наиболее подготовленных и идейных членов партии с командированием их на места.

2. Принять срочные действия по укреплению государственной границы СССР в районах, прилегающих к Трехречью для препятствия перебеганию населения из СССР.

3. Создать школу для подготовки агентов с целью засылки для работы в Трехречье.

4. Усилить дипломатическое давление на власти Манчжой-диго с целью воздействия через них на органы управления Трехречья с требованием роспуска белоказачьих отрядов, удаления из станиц «урядников», прекращения работы кадетского училища и учительских курсов, закрытия монастыря и др. деятельности, которая будет способствовать облегчению советской агитационной работы.

5. Провести расследование связей видных белогвардейцев – Шлыкова, Загряжского, Шерстовского, Крайнева, Желковера и др. на территории СССР и если имеются таковые, проводить с ними работу в адрес этих лиц с целью распространить на них влияние.

Уполномоченный ГПУ Петраков.



Мероув Парк. Июль 1934 г.

Убедившись – текст господами офицерами прочитан, а некоторыми – так и вовсе по два раза, Матюшин улыбнулся:

– Ну-с, господа? Надеюсь, подробно растолковывать, кто такой Гурин, он же Цезаревский, не обязательно?

– Отчего же вы молчали, Яков Кириллович?! – сердито воскликнул кто-то из офицеров.

– Ну, а что же я должен был делать, господа? – развёл руками Гурьев. – Нацепить форму с аксельбантами, самодельными крестами и палашом да выступать перед вами эдаким фертом? Перед офицерами армии, гвардии и флота, которые эту форму и погоны потом и кровью выслужили? Так за то, что я по малолетству и неопытности мог себе позволить, мне теперь, поверьте, стыдно до последней возможности.

– Нет, это положительно ни в какие ворота не лезет, – не на шутку рассердился Осоргин. – Это же подумать только: мальчишкой восемнадцати лет самому Блюхеру нос утёр – а теперь и признаваться не желает, как будто и не про него речь!

– Ну, навались на нас Блюхер всей своей мощью – долго бы в таком случае не он, а мы юшку из-под носов утирали, если б живыми уйти довелось. Я уже говорил его превосходительству: какая же это победа? Слава Богу, выкрутились, и то чудом. Совершеннейшим чудом, уверяю вас, господа.

– А говорили, в чудеса не верите, – подал голос мичман Прокофьев, и офицеры заулыбались.

– Наш Яков Кириллович хитёр, как целый орден иезуитов и тридцать три масонские логи в придачу, – улыбнулся генерал, складывая очки и пряча их в карман. – Он нам с вами сам каких хочешь чудес организует в два счёта. Вы только взгляните, господа, какого он тут скомороха перед всей Британией изображает. Дескать, влюблённый богатый чудака, чтобы пассивной своей угодить, нанял её малолетнему братцу армию из отставных русских инвалидов, да и развлекается себе во всю ивановскую – не подкопаешься. И соответствующий фонд каким-то способом зарегистрировал, чтобы всякие расходы на нас с вами под благотворительные нужды маскировать и соответствующим образом с налогов списывать. В князей да дружинников играет, с японским посланником чаи до седьмого пота гоняет, жёны североамериканских миллиардеров у него гостят, как дома у собственной кухни – а вы говорите!

– Да что вы, право слово, Николай Саулович...

– Послушайте, Яков Кириллович, что я вам скажу, – поднялся со своего места Матюшин. – Я, как человек, который всю жизнь по штабам отирался и в Генштабе, можно сказать, пуд соли и свору собак съел, уверен вот в чём. Ни один есаул ещё войну не выиграл. И полковнику – ни одному полковнику – это пока не удалось. Войну выигрывают генералы и маршалы, – Матюшин взял со стола рюмку и поднял её на уровень плеча. – Я хочу провозгласить тост, господа. За вашу будущую армию и ваши маршальские погоны, Яков Кириллович.

Гремя отставляемыми стульями, поднялись и все остальные. Пришлось и Гурьеву переключиться в вертикальное положение. Оживлённо переговариваясь, офицеры сдвигали рюмки. Когда все вернулись на места, Гурьев остался стоять:

– Спасибо. Поверьте, господа, я хорошо представляю себе, что всё это означает. Спасибо. За ваши веру и мужество, господа.

Когда под воздействием выпитого и съеденного пафосное настроение несколько рассеялось, Матюшин спросил:

– А когда же вы нам своё казачье войско покажете, голубчик Яков Кириллович?

– Покажу, – покладисто кивнул Гурьев. – Возможно, очень даже скоро. Да какое там войско, господа, – смешно даже говорить.

– Опять скромничаете, – прищурился генерал. – По вот этой только справочке чуть не четыре тысячи сабель выходит, никак не меньше. А на самом деле, по моим куда более современным данным – от шести до семи, да полностью вооружённых и укомплектованных, с приданной артиллерией и бронетехникой. Кавалерийско-механизированная бригада.

– Вот так так, – не удержался от восклицания кто-то из офицеров.

– Всё равно, – Гурьев сделал маленький глоток и поставил стакан с водой на стол. – Это войско – не для набегов и диверсий.

– Но вы ведь и нас не в диверсанты тут подготавливаете, мосты взрывать да паровозы портить?

– Никак нет, Николай Саулович, – кивнул Гурьев. – Поскольку в такой деятельности ни большого смысла, ни перспективы не усматриваю. Диверсанта́нская наука лишней не будет, однако она играет роль исключительно вспомогательную. Это ведь лет восемь-десять тому назад, глядя на большевистскую экономическую политику, некий, я бы даже сказал, расцвет частной инициативы, простительно было питать в их адрес некоторые иллюзии. Однако теперь, после ужасов коллективизации и голода, бюрократического перерождения и прочих прелестей, настроения в России, надо полагать, существенно переменились. Чем нам и предстоит в какой-то момент воспользоваться. Вот, представьте себе, господа, – Гурьев откинулся на стуле и обвёл кают-компанию весёлым взглядом. – Год, скажем, от Рождества Христова одна тысяча девятьсот тридцать седьмой. В гарнизон затерянного неведомо где города Урюпинска, в коем расквартирован какой-нибудь энский стрелковый полк, приезжает новый командир – на место прежнего, бабника, алкоголика и бездаря. На руках у него – все бумаги, всё честь по чести. И зовут этого нового комполка... Скажем, Прокофьев Михаил Фёдорович, – офицеры инстинктивно повернулись к мичману Прокофьеву, а Гурьев улыбнулся. – И этот новый комполка начинает наводить драконовские порядки. Сначала боевая учёба офицеров, потом отделенных командиров, сержантов, как они теперь называются, а потом и рядовых. В армии теперь, не то что в гражданскую войну, единоначалие, комиссаров не водится, так что – сами понимаете. Да и начальник особого отдела НКВД к нашему новому командиру как-то особенно благоволит. Может, потому, что они вместе, в один день и час, к месту службы в одном купе литерного поезда прибыли. А может, ещё и потому, что энкаведешный товарищ вовсе даже и не совсем товарищ, а имеет свои, очень специальные, указания.

– Однако...

– Да, господа. И такое случается теперь на просторах России. И никакой идеологии, заметьте. Одна сплошная военно-специальная подготовка. Особист наш с доносами в штаб округа, как я уже намекал, отнюдь не спешит. Проходит полгода, и получается у товарища Прокофьева образцовая воинская часть. Командиры в нём души не чают, красноармейцы иначе как «отцом родным» и не называют. В полку работает Командирский клуб – так теперь называется прежнее Офицерское собрание. Наш комполка, обладая надлежащей подготовкой, знанием психологии и умением читать по лицам, весьма скоро и споро выделяет из массы взводных, ротных и батальонных командиров тех смышлёных, честлюбивых и в то же самое время порядочных крестьянских и рабочих парней, тех сыновей разночинной русской интеллигенции и служилого «чёрного» дворянства, что пришли в армию не финики лопать, а Родину защищать. Именно с ними он работает дальше. Именно из них полгода спустя получают депутаты в местные советы, сменяющие бывших ставленников партаппарата. Как получают? А очень просто – так же, как и прежние, теми же методами. Только люди другие, а это – именно это всё и решает. А потом начинается самое интересное. В городе Урюпинске вводится должность военного коменданта, который со своими патрулями практически заменяет беспомощную милицию. Преступность ликвидируется, городская партийная и советская верхушка совершенно под умелым руководством нашего комполка разлагается, поскольку делать ей совершенно нечего, остаётся только водку в бане трескать. Военный комиссар района, в

порядке эксперимента, одобренного в штабе округа, направляет призывников исключительно в наш отдельный полк. Для обеспечения бесперебойного снабжения полка и высококачественной боевой учёбы в городе и районе вводится де-факто прямое воинское управление. Колхозы реорганизуются в сельскохозяйственные артели, оставаясь на бумаге колхозами, в городе открываются мелкие частные лавочки, которые по форме и документации остаются не чем иным, как прежними точками соцторговли. Проходит ещё один год, и что же мы имеем? Мы имеем в Урюпинском районе несоветский строй, подпираемый штыками первоклассного воинского подразделения. В этом подразделении служат те, кто знает свой район и своих соседей, а чужие здесь не ходят. А всего таких мест в округе – пять или шесть. И все эти пять или шесть полков и отдельных батальонов – самые передовые и боеспособные части. И красноармейцы в них не голодают, и младшие командиры с семьями не живут в землянках. А в назначенный день и час... – Гурьев посмотрел на заворованно внимающих ему офицеров и улыбнулся: – Вот такая фантастика, господа. Это, пожалуй, похитрее будет, чем десяток заводов и мостов взорвать. Что скажете?

– Богатое у вас воображение, Яков Кириллыч, – покосился на него Матюшин. – Полагаю, однако, после всего, вами устроенного да мною увиденного... Как-то верится, что и такое вполне осуществимо.

– Ну, так ведь это пока только очень грубая схема. набросок всего лишь, – Гурьев наклонил голову к левому плечу. – А детали как раз находятся в процессе проработки. С деталями – будет ещё осуществимее.

– И что же у вас, там, – Осоргин махнул рукой на восток, – единомышленники имеются?

– Ну, вас же я нашёл, господа, – улыбнулся Гурьев. – И там найду. Да и есть уже. Пока немного, но есть. А будет больше. И очень-очень высоко. Но только всё это очень серьёзно, господа. И пение «Интернационала», и отдавание чести красному знамени – лишь малая толика неприятных вещей, через которые предстоит при этом пройти.

– По поводу красного знамени имею существенные возражения, – Матюшин поднял руку, как прилежный ученик на уроке. – Мы с вами, Яков Кириллович, это уже обсуждали, считаю необходимым и для господ офицеров озвучить. История наша от самых незапамятных времён красными, багряными стягами и знамёнами сопровождалась. И на поле Куликовом, и в Смутное время русские полки и дружины именно под красными знамёнами шли в бой. Ну, а оттенок – это, по моему скромному разумению, дело десятое. Так что, думаю, вооружённые этим знанием, мы и к цвету знамён быстро привыкнем. А, господа Совет?

Судя по прокатившемуся гулу, обращение было оценено по достоинству, – случайных людей здесь не было, и собравшиеся, как минимум, неплохо знали историю.

– Что же это, – прямо-таки какая-то параллельная страна получается? Параллельная Россия?!

– А что, – оживился Гурьев, – это просто-таки штучная мысль, как говаривал один мой хороший знакомый. Так и назовём наш проект. Проект «Параллель».

– А средства?

– А средства, и технические, и финансовые, – всё будет, господа. Это – моя забота. С вашей помощью. Но об этом – чуть позже.

Лондон, Кембридж, Метроу Парк. Июль 1934 г.

Теперь, когда очередной механизм для поддержания деятельности был запущен и отлажен, у Гурьева появилось время, чтобы заняться химией, физикой и палеонтологией.

Первый же визит принёс целый букет сюрпризов. Гурьев узнал: «гребень дракона», во-первых, действительно принадлежал летающему ящеру неизвестного науке вида, а, во-вторых, химический состав материала вызывает гораздо больше вопросов, чем ответов. В ходе процесса, похожего на возникновение костных окаменелостей, а именно окремнения, произошло нечто весьма странное: на месте кремния оказался бор. В результате возникло соединение, в порыве вдохновения названное одним из химиков «боробонитом» – от «бор» и «bones»⁵. Однако никаких мыслей по поводу того, каким образом метеоритное железо и «боробонит» взаимодействуют в присутствии «нечистой силы», порождая механические колебания, ощущаемые без помощи специальных приборов, у Гурьева по-прежнему не было. Хотя, надо заметить, подобные глубины научных изысканий мало его волновали: в первую очередь, его интересовало практическое применение и моделирование процесса, ведь исходный материал был представлен исключительно в конечном и ограниченном количестве.

Трудно сказать, что потрясло физиков больше – пробивные способности Гурьева или принесённые им для исследования образцы. Самого Резерфорда Гурьев беспокоить не решился, зато напал на Капицу – тем более, что русский физик занимался в некотором роде «смежным проектом», а именно – сверхмощными магнитными полями.

– Мне кажется ваше лицо смутно знакомым, – сказал Капица после короткой церемонии взаимного представления, не выпуская трубку, давно погасшую, из рук. – Мы нигде не встречались?

– Меня вы помнить не можете, – спокойно улыбнулся Гурьев, – разве что отца. Я же, напротив, превосходно помню и вашего батюшку, и матушку. При случае передайте нижайший поклон Ольге Иеронимовне⁶ от Ольги Ильиничны Уткиной. Надеюсь, это будет ей приятно. Знаете, сейчас сочетание звуков вроде «русский либерализм» или «русская интеллигенция» звучит если не ругательством, то, по крайней мере, употребляется с недюжинной долей сарказма. Я же полагаю – благодаря таким людям, как ваши родители, этот сарказм, в общем, несправедлив и сильно преувеличен.

– Мир тесен, – Капица несколько удивлённо покачал головой.

– Да уж, на удивление, – согласился Гурьев. – Скажите, Пётр Леонидович, вы верите в сумасшедшие идеи?

– Верю вполне – идеи могут быть весьма сумасшедшими, – Капица жестом пригласил Гурьева следовать за собой. – Давайте взглянем поближе на вашу задачу.

По мере того, как Гурьев излагал ход событий, опуская, впрочем, щекотливые детали личного характера, лицо физика приобретало всё более растерянное выражение. Наконец, он медленно произнёс:

– Это действительно... Очень странно. И очень любопытно, хотя и лежит далеко в стороне от сферы моих сегодняшних научных интересов. Знаете что? Боюсь, я буду для вас совершенно бесполезен. Но помочь, тем не менее, помогу.

Капица извлёк из ящика стола записную книжку и раскрыл её на нужной странице:

⁵ Bones (англ.) – кости.

⁶ Ольга Иеронимовна Капица (1866-1937), урожд. Стебницкая – известный русский педагог и собирательница фольклора. Леонид Петрович Капица (1864-1919), военный инженер, фортификатор и картограф, строитель и автор укреплений крепости Кронштадт. Капица-Милевские – южнорусская шляхетская фамилия, приписанная к польскому гербу Ястржембских.

– Вот. Ладягин Владимир Иванович. Это именно тот, кто вам нужен. Если не он... Весьма и весьма примечательная личность с очень непростой судьбой, но при этом – совершенно невероятное инженерное чутьё и прямо-таки безудержная техническая фантазия. Мы с ним сотрудничаем время от времени, заказываем у него некоторые образцы аппаратуры для лаборатории.

– Откуда он здесь взялся?

– О, это долгая история. Всех подробностей я не знаю, да и не интересовался особенно, признаться. Ладыгина прислало военное министерство не то закупать оружие, не то надзирать за этим процессом, году в пятнадцатом, наверное. Потом революция, к которой Ладягин отнёсся довольно прохладно. Впрочем, и к белому движению Владимир Иванович отнюдь не расположен. Пообщайтесь с ним, думаю, вам, кроме всего прочего, он будет и по-человечески интересен.

– Надеюсь, мы и с вами ещё увидимся?

– Непременно, если вы дождётесь моего возвращения. Я буквально на днях уезжаю в Москву.

– Надолго?

– Да нет, недели на четыре.

– Что ж, тогда кланяйтесь матушке и Москве. И вот ещё что: если вам вдруг понадобится помощь в общении с советскими инстанциями, отыщите такого – Городецкого Александра Александровича и передайте ему от меня привет. А дальше – увидим. Найдёте с ним общий язык, он вас с удовольствием выручит – по мере сил, разумеется.

– Только привет?

– Только.

– Что ж... Спасибо.

– Да что вы, – Гурьев улыбнулся и надел шляпу. – Это вам спасибо, профессор. Удачного путешествия – и, главное, благополучного возвращения.

Ни Капица, ни, тем более, Гурьев ещё не догадывались: вернуться в Лондон Петру Леонидовичу суждено лишь много лет спустя.

Мероув Парк – Лондон. Июль 1934 г.

Русская диаспора, какой бы огромной не была, всегда знает всё обо всех. Не стал исключением и Ладягин, о котором Гурьев скоро и легко навёл необходимые справки.

Во время семичасового завтрака – Рэйчел теперь вставала всего на четверть часа позже Гурьева, чего полгода назад и вообразить себе не могла, и, несмотря на бурные протесты Джарвиса, уверенного, что он и без помощи миледи в состоянии позаботиться, дабы еда для мастера Джейка и мастера Эндрю соответствовала требованиям, сама контролировала все приготовления к этому ежедневному ритуалу – Гурьев поделился планами насчёт Ладягина. Обычно они завтракали втроём, и Рэйчел с улыбкой следила, как юный князь из рода Рюрика Сокола набрасывается на еду, поглощая всё без разбора – после подъёма в половине шестого и семи-десяти пяти минут разнообразных пробежек, заплывов и физических упражнений Тэдди едва ли не рычал при виде накрытого стола. Но время от времени – вот, как сегодня – к этому сугубо семейному мероприятию присоединялись Осоргин и генерал Матюшин, чьё мнение по каким-либо вопросам Гурьеву требовалось услышать.

– А кто он по профессии?

– Химик. И оружейник.

– Боюсь, ещё одного Бертольда Шварца ⁷ Мероув Парк может и не выдержать, – с неподдельной тревогой заявила Рэйчел. Мужчины заулыбались. – Ты уверен, это необходимо?

– Абсолютно.

– Тогда зачем спрашивать моего разрешения?

– Затем, что мне хочется его получить, – Гурьев наклонил голову к левому плечу и отправил в рот очередной комочек риса с кусочком сырого лосося на нём. Как он может спокойно жевать это, Рэйчел понять не могла. Ещё с большим трудом она представляла, как ему удалось приохотить к подобной пище Тэдди – не утверждениями же о том, что фосфор чрезвычайно полезен для мозга?! – Кроме того, твои замечания иногда поворачивают ситуацию совершенно неожиданной гранью, и мне это не просто нравится эстетически, но ещё и очень помогает взглянуть на происходящее под новым углом.

Рэйчел слегка зарделась от похвалы. Она прекрасно понимала, зачем и почему Гурьев проделывает это. Поднимая и укрепляя уверенность Рэйчел в себе, особенно в присутствии Тэдди, прислуги и подчинённых, делая вид, что интересуется её мнением и прислушивается к нему, он исподтишка, исподволь, готовил её к той роли, которую уже придумал для неё – роли хозяйки всего и вся. Не барыни, не самоуправной владелицы душ и сокровищ, а внимательного слушателя, арбитра и третейского судьи. Той самой роли, которую должен усвоить и Тэдди. Той самой роли, которую обязаны принять и все остальные, окружающие их ныне. Но... Может быть, его и в самом деле интересует, что она думает? Немыслимо. Мужчины... Но ведь он – совершенно не такой, как все?...

– На этот раз мой взгляд будет более чем традиционным, – улыбнулась Рэйчел. – Делай, что считаешь нужным, – надеюсь, ты поместишь его со всеми его чудесами как можно дальше от дома, чтобы нам не пришлось слишком часто вставлять новые стёкла?

* * *

Визит к Ладягину продумывался вплоть до мельчайших деталей. Осоргину было предложено надеть парадный мундир, – не так давно Гурьев настоял на том, чтобы для кавто-

⁷ Бертольд Шварц – легендарный алхимик, монах из Фрайбурга, который, по преданию, во время своих опытов в XIII в. вновь изобрёл пороховую смесь.

ранга построили нечто среднее между облачением командующего флотом цепеллинов и генерал-адмиральским камзолом великого князя Алексея Александровича⁸. Хотя ни габаритами, ни красотой лица – не говоря уже о поведении – Осоргин не походил на августейшего повесу и раздолбая, мундир смотрелся на кавторанге ошеломительно.

– А вы, Яков Кириллович?

– А я сегодня побуду шофёром, – усмехнулся Гурьев, с удовольствием оглядывая себя в зеркале – песочного цвета брюки, рыжие горные ботинки и краги, кожаная куртка, как у полярного лётчика. – То, что надо.

– «Ягуар» или «Ройс»? «Ройс», по-моему, предпочтительнее.

– Вам виднее, – улыбнулся Гурьев.

– И вам в тон костюма очень подойдёт. Номера менять будем?

– За полверсты до места, Вадим Викентьевич. На ваше усмотрение.

– Красный «Фалкон»?

– Годится. Мне нравится, Вадим Викентьевич, что вы меня всё чаще и чаще понимаете буквально с полуслова. Мне чрезвычайно легко и комфортно с вами работается.

– Злыдень вы, Яков Кириллович, – беззлобно огрызнулся Осоргин. – Всё окрыляете да окрыляете. Хочется прямо рвать и метать. Да за то время, что вы на меня потратили, тыкая носом во всё, как щенка безмозглого, уже и зайца можно научить на фортепьяно фуги выкамаривать.

– Ну, так то, чему я вас учу, несколько посложнее будет, – вздохнул Гурьев. – Едем.

«Ladyagin Arms Rifle Systems Ltd.» располагалась на окраине, в рабочем предместье Слау, уже вплотную подхлотившем к лондонской городской черте. Длинное, приземистое, сложенное из разнокалиберных камней здание с низкими стенами и практически без окон – зато с многочисленными застеклёнными рамами-вставками в проседающих местах крыши – явно знавало лучшие времена. Хозяин, он же главный инженер, он же ведущий технолог и протчая, и протчая, вышел к неожиданным визитёрам сам. Облик оружейника вполне соответствовал сложившемуся у Гурьева умозрительному представлению: сильный торс, несколько отяжелевший, – правда, без особенного перебора, по возрасту, сухие ноги, длинные могучие руки, лицо с крупными, рублеными чертами, но не грубое, а даже приятное, несмотря на суровость выражения. Наряд Ладыгина не оставлял сомнений в том, чем последний был только что занят. При этом Гурьева приятно удивила опрятность одеяния и идеальный порядок вокруг, хотя всё на подвластной Ладыгину территории прямо-таки вопияло о непреодолимых финансовых трудностях владельца. Гурьев уже был осведомлён о полнейшем пренебрежении Ладыгина к неинтересным, по его мнению, заказам и о том, что все вырученные средства – до последнего пенни – тратятся на оборудование, опыты и исследования. Больше, кажется, инженера в принципе ничего не интересовало.

– Чем могу? – настороженно осведомился Ладыгин, с некоторым недоумением оглядывая великолепный автомобиль с диковинными опознавательными табличками, не менее великолепного адмирала неведомого флота, небрежно прислонившегося к капоту и раскуривающего совершенно невообразимой длины и толщины «гаванну», и высоченного молодого мужчину, похожего на спортсмена-аристократа, лётчика, снежного барса и змею с завораживающе серебряными глазами одновременно. Почему-то у Ладыгина не возникло ни малейшего сомнения в том, что перед ним – бывшие соотечественники, и вопрос свой он, нимало не сомневаясь, задал по-русски. Разбираться в таких замысловатых ощущениях Ладыгин привычки не имел, и потому, немного смутившись, но всё ещё настороженно, добавил: – Господа?

⁸ Алексей Александрович Романов (1850-1908) – великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главноначальствующий флота и морского ведомства (1880 – июнь 1905), член Госсовета, известный своим пренебрежением к нуждам и чаяниям Российского Флота.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – обезоруживающе-открыто улыбнулся спортсмен-аристократ. Улыбка была такая – устоять невозможно: белозубая, ясная, бесшабашная и ослепительная. – Не поможете в серию запустить?

В следующее мгновение – он мог поклясться, что не уследил, когда и откуда этот человек достал оружие, – прямо перед носом Ладыгин обнаружил рукоять пистолета, в котором, по зрелом размышлении, можно было узнать «Colt Government», хотя и не без труда. Осторожно взяв пистолет, инженер не сумел скрыть удивления. От «Кольта» остались, фигурально выражаясь, «рожки да ножки» – калибр уменьшился до трёх линий, обойма явно вмещала куда больше штатных семи патронов, а вместо ствольной коробки – до самого окошка эжектора – возникло нечто, похожее на гладкую трубу, внутри которой располагался ствол. При полном сохранении механической части, пистолет выглядел... чудовищно и устрашающе, но при этом весьма технологично.

– Это кто ваял?! – вырвалось у изумлённого Ладыгина.

– Я, – ещё шире и беззаботнее улыбнулся Гурьев.

– Идёмте, – всё ещё явно оставаясь полностью во власти удивления, кивнул Ладыгин и направился к зданию.

Они вошли в помещение, повернули направо и оказались в длинной, довольно узкой комнате, напоминающей пенал, со трубами для крепления оружия и хлопковыми «подушками» – пристрелочной. Ладыгин направил оружие в стену, отщёлкнул предохранитель и потянул спусковой крючок. Раздался звук, похожий на глухой, надсадный кашель больного чахоткой, негромко лязгнула отлично смазанная чистая механика, и жёлтая отражённая гильза, курясь чуть заметным дымком, покатилась по полу. Когда она оказалась у ног человека в фантастическом мундире, тот, ловко и небрежно нагнувшись, поднял её, выпрямился и опустил гильзу в карман с таким видом, словно проделывал это по сто раз на дню. При этом никто не вздрогнул и ухом не повёл. От гостей веяло таким непонятным, уверенным и почему-то опасным спокойствием, что Ладыгину сделалось немного не по себе.

– Что вам сказать? – задумчиво проговорил Ладыгин, доставая из кармана рабочих брюк чистую ветошь и любовно вытирая оружие. – Помочь – помогу, но вы хоть представляете, во сколько это вам обойдётся?

– Нет, – последовал невозмутимый ответ. – Но нас это в данный момент не слишком волнует. Не хотите взглянуть на помещение и оборудование?

– Хочу, – кивнул Ладыгин, возвращая оружие хозяину и удивляясь ещё больше. Резкие вертикальные складки обозначились на высоком лбу. – С кем имею честь?

– Гурьев, Яков Кириллович. А это – капитан Осоргин, Вадим Викентьевич. Сколько вам нужно времени, чтобы собраться?

– Десять минут.

– Отлично.

– Разрешите мне за руль, Яков Кириллович? – козырнул кавторанг.

– Конечно, конечно, – кивнул Гурьев.

Окинув странную пару ошарашенным взглядом, Ладыгин хмыкнул, повернулся и направился в свою конторку, стараясь ничем не выдать охватившего его странного предчувствия головокружительных и удивительных перемен, притаившихся за поворотом дороги.

Только после того, как Гурьев и Осоргин оказались на воздухе, они позволили себе обменяться заговорщическими и довольными улыбками.

Мероув Парк. Июль 1934 г.

Дорогой Ладягин всё больше помалкивал, здраво рассудив, что на богатых и явно знающих, чего хотят, людей сдержанность должна произвести надлежащее – благоприятное – впечатление. Гурьев, к которому очевидно старший по возрасту и опыту Осоргин обращался с заметной почтительностью, лишённой при этом всякого подбострастия – как к командиру, проверенному в боях и никогда не дающему подчинённых в обиду, хотя и требовательному до придиристичности, – нравился Ладягину всё больше и больше, несмотря на то, что сам Гурьев вроде бы ничего специально для этого не говорил и не предпринимал. Ладягин решил позволить себе несколько технических вопросов:

– Вы, Яков Кириллович, что заканчивали? Императорское Московское⁹?

– Нет, Владимир Иванович, – печаль в голосе Гурьева показала Ладягину несколько наигранной. – Так, всё самоучкой, знаете ли. Чертежи немного читать выучился, да к рукоделию по металлу некоторая склонность имеется... Вот-с.

– Поня-а-а-атно, – протянул Ладягин, хотя, признаться, ничего не понял. И сказал, чтобы сказать что-нибудь существенное: – На чертежи интересно будет взглянуть. А серия предполагается большая?

– Поначалу – в двести стволов, а там – как карта ляжет, Владимир Иванович. Надеюсь, тысяч десять нам в ближайшие года два будут в самый раз.

– Это... немало.

– Да и планы у нас развёрнутые, – не стал скромничать Гурьев.

– Не большевиков ли терроризировать?

– Ну, что вы, – Гурьев и Осоргин переглянулись и как-то очень по-доброму, необходимо разулыбались. – Мы деловые люди, нам такие глупости ни к чему.

Почему-то Ладягин им сразу поверил. Не похожи были эти двое на суровых, насупленных и довольно обглоданных врангелевцев и РОВСовцев – обеспеченные, уверенные, расслабленно-спокойные. И в то же самое время было совершенно ясно – эти двое могут быть прямо-таки беспредельно опасными, если их разозлить. Особенно – молодой красавец с жутковатыми глазами. Кто же он такой, подумал Ладягин. Не лезу ли я головой в капкан?

– Вы не лезете головой в капкан, Владимир Иванович, – улыбнулся Гурьев, и Ладягин от неожиданности подпрыгнул на сиденье, вытаращив на спутника свои зеленовато-карие очи. – Никто из наших друзей и сотрудников не только ни в чём не нуждается, но и не испытывает при этом никаких проблем со своей совестью и внутренним чувством справедливости. Согласитесь – по нынешним весьма несентиментальным временам это не так уж и мало.

– Это звучит многообещающе, – осторожно и скупое улыбнулся в ответ Ладягин. – И на себя лестно такое примерить, весьма лестно. А вы что же, мысли читаете?

– Да, немного, – кивнул Гурьев. – Мимика, жестикация, движение глаз. Для человека искушённого – исчерпывающе красноречиво.

– Впечатляет, – вздохнул Ладягин. – В том числе откровенность. Ну, с друзьями – более или менее понятно. А что насчёт недругов?

– Недругов у нас с каждым днём всё меньше и меньше, – просиял Гурьев. – А друзей – всё больше и больше. Мы много работаем, Владимир Иванович, и добиваемся нужных нам результатов. Но вот настал такой момент, когда без вашей помощи нам никак не обойтись.

⁹ Императорское Московское техническое училище – старейший российский технический учебный и научный институт, ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана, роль которого в создании современной русской технической интеллигенции до сих пор по достоинству не оценена.

Вы не думайте – у нас для вас, кроме револьверов-пистолетов, немало увлекательных занятий найдётся. Ручаюсь – не пожалеете.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Ладягин, не собираясь жадно заглатывать наживку целиком. Чем, кажется, привёл своих визави в изумительное и даже где-то игривое расположение духа.

Ладягин с любопытством разглядывал поместье, судя по всему, довольно обширное и процветающее. Правда, источники этого процветания пока оставались не слишком ясны, но ему не казалось это в настоящий момент сколько-нибудь определяющее важным. Производственные помещения, где ему предстояло стать полновластным хозяином, воистину не оставляли ни малейшего шанса попривередничать: новейшие дорогушие станки, немецкие и швейцарские, электричество, освещение, чистота, зеркально-гладкий нескользкий пол, вентиляция – фабрика будущего, да и только!

– Если что-то понадобится, литература в особенности – Королевская библиотека к вашим услугам, Владимир Иванович. Утром оставляете заказ, вечером получаете – даггеротипированный, проектор вот тут. Если захотите, точно такой поставим в ваши жилые покои.

– Вы что же, мне здесь и жить предлагаете?! – поразился Ладягин.

– Ну, разумеется, – с непоколебимым спокойствием пожал плечами Гурьев. – К чему же лишние неудобства? Поставим вас на довольствие по полному списку, оборудование ваше размонтируем-смонтируем, если что из него вам понадобится, сарайчик ваш починим и законсервируем – кто знает, может вам у нас со временем надоест, захотите снова на вольные хлеба.

– И отпустите? – недоверчиво усмехнулся Ладягин.

– Я же говорил, что мы наших друзей не обижаем. Наоборот. Защищаем и всемерно поддерживаем.

– Ну, коли так...

– Замечательно. Я знал, что вам тут придётся по душе. А теперь идёмте обедать-ужинать – познакомлю вас с хозяйкой.

– С хозяйкой?! – опешил Ладягин. – А как же... А вы?!

– А я тут распоряжаюсь. От имени и по поручению, – опять, очень по-доброму, улыбнулся Гурьев.

– Так я... не в форме, – попытался отбояриться Ладягин.

– Это совершенно не воспрепятствует, – твёрдо пресёк его поползновения Гурьев. – У нас тут натуральное хозяйство, всё под рукой, в том числе и конфекцион ¹⁰ на всякий непредвиденный случай. Конечно, не Сэвил Роу ¹¹, но в первом приближении – в самый раз.

Ещё полминуты назад Ладягин совершенно не собирался уступать, но – любопытство взяло верх:

– Ладно. Ну, вы, Яков Кириллович, прямо – дредноут!

– На том стоим. Прошу!

Убранство особняка – скорее, даже дворца – не подавляло, а располагало к себе. Ладягин, отнюдь не избалованный роскошью на протяжении всей своей пёстрой и нелёгкой жизни, был – в который уже раз – приятно удивлён и заинтригован. А потом – и вовсе остолбенел, увидев молодую женщину совершенно неопикуемой красоты, радостно сбежавшую по парадной лестнице им навстречу, на мгновение прильнувшую к Гурьеву так, что сразу же и без слов всё сделалось Ладягину совершенно понятно.

¹⁰ Конфекцион (*устар.*) – магазин или его отдел, торгующий готовым платьем и бельём.

¹¹ Сэвил Роу – улица в Лондоне, на которой расположены мастерские и магазины самых дорогих в мире портных по пошиву индивидуальной одежды.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – улыбнулась Рэйчел, приветствуя его по-русски, чем окончательно добила, и протягивая Ладягину руку. – Сердечно рада приветствовать вас в нашей маленькой кают-компании. Добро пожаловать на борт.

– Я тоже очень рад, миледи, – пробормотал смущённый, растроганный и восхищённый Ладягин. Осторожно пожимая мягкую и тёплую руку Рэйчел, он вдруг отчётливо понял: ему, чьи отношения с женщинами всегда складывались крайне непросто, – для подавляющего большинства из них он был слишком умён, слишком талантлив, слишком застенчив поначалу и безудержно страстен и требователен потом, – эта женщина, с лицом и голосом ангела, сошедшего с небес, до краёв наполненная поистине неземным светом, искрящаяся и переливающаяся любовью и нежностью к мужчине, которому безраздельно принадлежит, станет – как и для всех остальных своих... подданных – настоящим, надёжным, верным, отважным и преданным, самоотверженным другом. Окончательно растерянный и немного подавленный обрушившимися на него за сегодняшний день впечатлениями, Ладягин перевёл на Осоргина беспомощный взгляд и встретил мудрую, понимающую улыбку.

Обед прошёл непринуждённо и весело, и Ладягин почти не заметил, как застолье перешло сначала в ужин, а затем в некое подобие дружеской бурсацкой попойки – после того, как дети и женщины отправились почивать. Ладягин превосходно понимал, что его проверяют по всем статьям, и решил ни за что не ударить в грязь лицом. Когда выпито было уже всё, что можно, что нельзя и даже то, что совершенно невозможно ни в коем случае, Ладягин, нисколько не потерявший ни связности рассуждений, ни присутствия духа, предложил Гурьеву закрепить собственность на особенности конструкции пистолета патентом и вызвался тут же его написать, что и проделал к вящему удовольствию присутствующих. И, поймав на себе абсолютно трезвый, весёлый и восхищённый взгляд «шефа», как уже окрестил Гурьева про себя, Ладягин весело подмигнул в ответ. И понял, что принят в команду.

Правда, проснувшись утром, вовсе не смог припомнить, как, когда и каким образом оказался в кровати, да ещё и в очень приятной на ощупь шёлковой пижаме. Слегка оконфузившись данным обстоятельством, Ладягин встал, умылся, побрился новеньким станком с лезвиями «Жиллет», оказавшимся на умывальнике в запечатанном виде, вместе с кисточкой и кремом, а также знаменитым одеколоном «4711» и, облачившись в давешний костюм, надо признать, более чем приличный, спустился в столовую. Компания вчерашних знакомцев была уже в сборе, включая тотчас же представленного Ладягину пожилого господина, оказавшегося генералом Матюшиным, коего язык не поворачивался назвать «бывшим», и русского священника, и прежде знакомого инженеру, правда, довольно шапочно. Компания приветствовала Ладягина радостными возгласами и сияющими улыбками, снова смутившими его: он никак не мог уразуметь, чем же, чёрт подери, вызвано такое всеобщее к нему явное и недвусмысленное расположение.

Ладягин прекрасно понимал, что расположение это, несмотря на некоторую свою необъяснимость, тем не менее, вполне бескорыстное и совершенно искреннее. Понимал он и то, что им, в общем-то, откровенно, хотя и совершенно не во зло ему и не во вред, манипулируют. Легко и просто сходящийся с людьми, вызывающими у него симпатию своей безыскусственностью и несклонностью ко всякого рода аффектации, Ладягин и по отношению к сидящим за этим столом чувствовал себя так, будто находится в окружении стародавних друзей и добрых приятелей. Отлично развитая интуиция безошибочно подсказывала ему, что эти люди нуждаются в какой-то его помощи – правда, в какой, Ладягин терялся в догадках. Однако же, как всякий настоящий и природный русский человек, в характере которого принцип «для любимого друга и серёжку из ушка» занимает едва ли не главенствующее место, он понимал, что, во-первых, его никто никогда ни о чём не попросит, пока он сам не предложит своё участие, и, во-вторых, ни словом, ни взглядом не попрекнёт, ежели он ничего такого не сделает. Послед-

нее для Ладыгина было совершенно непереносимо, и потому, когда подали десерт, он, прокашлявшись и багровея от неловкости, обратился к Гурьеву:

– Нуте-с, Яков Кириллович. Давайте уж, посвятите меня, наконец, чем я могу вам пригодиться. А то и напил, и наел тут на год вперёд, пожалуй, так, что, если не сочтусь, то и непременно совесть замучает.

– Пригодитесь, Владимир Иванович, – улыбнулся Гурьев. – Поскольку вы теперь – полноправный участник проекта, думаю, посвятить вас в некоторые весьма интересные и невесёлые нюансы настоятельно необходимо. Кто же начнёт, господа?

– А позвольте мне? – Осоргин отложил салфетку.

– Пожалуйста, Вадим Викентьевич, – предложила Рэйчел и ласково улыбнулась сначала кавторангу, потом всем остальным, а потом, персонально, – Ладыгину. Совершенно непостижимым образом вышло это у неё так непосредственно и мило, что Ладыгин почувствовал – защищать эту женщину и всю эту уютную, удобную, яркую и всецело принадлежащую ей вселенную отныне станет для него делом принципа и чести. И приготовился внимательно слушать.

По мере того, как рассказ Осоргина, подкрепляемый точными замечаниями генерала, репликами Гурьева и пояснениями священника, подходил к своему завершению, Ладыгин всё больше и больше мрачнел, впадая в глубокую задумчивость. Правда, от него не укрылась ни тревога, всё отчётливее читавшаяся во взгляде леди Рэйчел, ни то, что, кажется, мальчик нисколько не воспринимался участниками беседы в роли несмышлёного дитяти – наоборот, к нему обращались, воспринимая его абсолютно равноправным и равноосведомлённым. Всё это – как и сами перипетии поведанной Ладыгину истории – было настолько необычно, что он не сразу понял, что его задумчивость и сосредоточенность кое-кем воспринимается, как испуг. До глубины души уязвлённый этим возможным предположением, он вскинулся, но натолкнулся на остужающий и понимающий взгляд невероятных, потрясаяще серебряных глаз «шефа».

– Что ж, – проговорил Ладыгин, когда рассказ окончился. – Я дамы и господа, вижу в происходящем два аспекта. Первый, в котором ничего ровным счётом не понимаю и с которым Яков Кириллович, как я думаю, самостоятельно и безо всякой с моей стороны помощи справится – это детективное расследование. А вот другой аспект, а именно – естественно-научный, это уже моя, – с вашего, друзья мои, соизволения, – епархия. Тут я всецело в вашем распоряжении. Однако сразу я ничего сказать не готов – мне необходимо всё как следует обдумать. Если позволите, Яков Кириллович, я пока руки механической работой займу – мне это замечательно помогает.

– Ради Бога, Владимир Иванович, – утвердительно наклонил голову Гурьев. – Я распорядился ваше имущество из города сюда перевести, ваши рабочие ждут вас в цеху – пропуска, отдельный вход, доставка их на работу и развоз по домам, всё это улажено, можете о том не беспокоиться. Руководствуясь соображениями секретности, мы их вскорости удалим, подыскав им соответствующую замену, с надлежащей компенсацией, дабы ни у кого никаких обид не возникало. Что же касается раздумий – думайте, сколько потребуется, а мы с господами офицерами пока, действительно, займёмся детективными изысканиями. Если вам что-то потребуется – вы знаете, к кому обратиться.

– Спасибо вам, Владимир Иванович, – просто сказала Рэйчел. – У меня такое чувство, что вы скоро во всём разберётесь. Чувствуйте себя у нас в Метроу Парк, как дома, и не чинитесь. Всегда буду рада оказаться вам полезной.

– Ради вас, сударыня, клятвенно обещаю ни в коем случае не чиниться и не ломаться, – несколько неуклюже пошутил Ладыгин, но неловкость его мгновенно улетучилась, потому что все, включая Рэйчел и мальчика, весело и открыто заулыбались.

В трудах и размышлениях прошла у Ладыгина почти целая неделя. Предоставленные в его распоряжение образцы и материалы он тщательно исследовал всеми известными ему способами – вплоть до спектро- и рентгенографического. С «шефом» он практически не виделся,

завтракал и ужинал в основном в компании генерала и кавторанга, отчего понял, что находится некоторым образом в непосредственной близости к руководству, обедал на скорую руку прямо в цеху – и думал, думал, думал. Получив бумаги, Ладягин убедился, что «Ladyagin Arms Rifle Systems Ltd.» больше не имеет ни кредиторской, ни дебиторской задолженности, все её споры и неурядицы урегулированы, и понял, что сделано это не с тем, чтобы купить его или привязать, а с единственной целью – облегчить раздумья и освободить от бремени ненужных забот. Пару раз за это время Ладягин был приглашаем на «семейные завтраки», и в первый раз даже напрягся, ожидая вопросов, ответов на которые пока не имел. Но лёгкая, ни к чему не обязывающая беседа протекала в непринуждённом, отнюдь не располагающем к расспросам на высокоучёные темы, ключе, и Ладягин расслабился, действительно ощутив себя, наверное, впервые за последние двадцать лет, как дома. Преисполненный благодарности за это, Ладягин и сам не заметил, как поведал Рэйчел, оказавшейся исключительно внимательной, заинтересованной и сопереживающей слушательницей, всю свою жизнь.

– Мы обязательно отыщем вашу жену и сына, Владимир Иванович, – проговорила Рэйчел, ласково накрывая огромную руку Ладягина своей ладонью. – Конечно, это будет совсем не просто, но Джейк... Вот увидите, Яков Кириллович непременно это сделает. Он у нас на самые настоящие чудеса способен. Вы, главное, не теряйте надежды.

– Да мне, собственно, – опять смутился Ладягин, – знать бы, что они живы-здоровы, и того вполне довольно. Я же прекрасно понимаю, что за такой срок жизнь необратимо переменилась, так что – какая там уж семья, о чём вы, сударыня...

– Не может быть, чтобы ваша жена вас забыла или разлюбила, голубчик Владимир Иванович, – покачала головой Рэйчел. – Вы же совершенно замечательный человек – разве можно, однажды с вами столкнувшись, забыть о вашем существовании или смириться с разлукой?! Конечно, Анна Сергеевна вас искала. Я совершенно уверена в этом! Но война, потом – война гражданская, весь этот переворот и водоворот совершенно, как вы верно заметили, переменившей жизни – с этим и не всякий мужчина справится. Вы не должны думать о плохом. Всё образуется, вот увидите!

Изумлённо разглядывая сидящую перед ним молодую женщину, чьё неподдельное участие буквально перевернуло ему всю душу, Ладягин ясно и бесповоротно осознал, что ради неё готов – совершенно бескорыстно – решительно на всё, что угодно. И жаркая, кипящая ненависть к тем, кто посмел поднять руку на это невозможное чудо, накрыла его с головой.

* * *

Наконец, мысли Ладягина пришли в некое удобоваримое для популярного изложения состояние, в связи с чем он потребовал заслушать его доклад «О возможной природе так называемой души, а также нечистой силы и современных методах борьбы с нею». Несколько юмористическое звучание темы сообщения вызвало недвусмысленное, хотя и тщательно скрываемое недовольство священника. Однако, поскольку голос отца Даниила во всём, что не касалось практических аспектов защиты, имел статус совещательного, ему в активном оппонировании было мягко, но решительно отказано. На помощь священнику неожиданно пришёл сам Ладягин:

– Напрасно вы, дамы и господа, батюшку задвигаете. То, что мы с вами тут закоснели в безбожии и материализме, совершенно ничего не означает. Я, например, уверен, что механика и физика этих самых духовных процессов нам ещё долгое время будет оставаться неясной. А многовековая практика человечества говорит о том, что искренняя молитва и символические предметы, на которые такая молитва опирается, вполне могут послужить весьма действенной защитой. В какое-то высшее существо я не верю, а вот внутри нас, кажется, такие силы сокрыты, что просто удивительно...

– Это интересно, Владимир Иванович, – прищурился Гурьев. – Очень интересно. К вашим словам у меня имеется филологическое дополнение. Не примечательно ли, что глагол «молиться» имеет в русском языке возвратную форму? То есть мы молим более себя самих, нежели кого-то, самих себя на определённые действия и восприятие настраиваем. В английском или немецком такого, кажется, не замечено, а вот в древнееврейском – почти то же самое: молиться там тоже глагол возвратный, в буквальном переводе на русский означает «судить себя». Что скажете, отче?

– Скажу, что ваши, Яков Кириллович, поразительно энциклопедические познания во всех мыслимых областях вовсе вашего неверия не объясняют, – улыбнулся священник. – Во всяком случае, для меня. И как вам удаётся, неся такой груз познаний, сохранять возможность не только здраво размышлять, но и здраво действовать – для меня загадка едва ли не большая. Но давайте всё-таки выслушаем сперва глубокоуважаемого Владимира Ивановича.

В каминном зале собрались Рэйчел, генерал Матюшин, Осоргин, Тэдди, отец Даниил, Гурьев и, собственно, докладчик. Для наглядности установили грифельную доску и выложили мел, с тем, чтобы, возникни у Ладыгина необходимость пояснять свои рассуждения рисунками и опорными словами, ему было легко это сделать. Несколько взволнованный всеобщим благо-склонным вниманием, Ладыгин, постепенно воодушевляясь, заговорил:

– Если представить, что моя теория верна, то каждый человек имеет непременно внутри своего тела образование, именуемое душою, совершенно уникальное, ничем, кроме собственно природы своей, на душу другого человеческого существа непохожое. Из курса элементарной физики известно, что водород – самый распространенный элемент в природе. Следовательно, вполне допустимо предположение, что таковая душа есть некая субстанция на основе атомов водорода, как самых простых и наиболее широко распространённых, обладающая особыми свойствами. Скажем, атомы такой субстанции лишены электронов и состоят из одних только нейтронов, что многократно увеличивает плотность и вероятность межатомных связей, образующих в том числе молекулы и некие совокупности молекул. Поскольку я прилагал усилия к тому, чтобы мыслить совершенно практически, этот экскурс в атомную теорию скоро станет вам, дамы и господа, понятен.

Ладыгин, убедившись, что вступление не вызвало словесных возражений и его по-прежнему благожелательно слушают, перевёл дух и продолжил:

– Теперь позвольте мне провести некоторую достаточно поверхностную, однако при этом весьма наглядную аналогию. Всем вам, безусловно, известен такой бытовой прибор, как фонограф. Как известно, звук, точно так же, как иглой на воске, металле либо пластической массе, возможно записать в другом виде. Например, в виде букв, что мы делаем с вами постоянно, когда пишем на бумаге и затем воспроизводим при помощи наших губ, языка и голосовых связок обратно в звуки членораздельной речи. Так это, дамы и господа, есть не что иное, как процесс кодирования и декодирования. Так же само – в принципе – работает и радиоприёмник с передатчиком. Я же полагаю, что похожий принцип можно применить к записи любой информации. Именно этим и занимается наш мозг. На основании рассуждений о бессмертии души я предположил, что содержание души есть не что иное, как информация, каким-то неизвестным нам образом записанная и сохраняемая в структуре этого самого газа, о котором я вёл речь выше. Душа, что, опять же, известно и не противоречит никаким религиозным воззрениям, на протяжении жизни человека претерпевает изменения – что означает, в узко теоретическом смысле, накопление либо утрату информации. Известно и то, что информация не просто накапливается, но и обрабатывается – отсюда проистекают наши мнения, воззрения, убеждения и тому подобное. Следующее моё предположение, имеющее целью как-то придать гипотезе стройность и завершённость, заключается в том, что душа каждого человека, будучи информационно организованным «газом», имеет нечто, названное мною «результуирующим зарядом». Зарядов этих, как можно предположить, только два – плюс либо минус. Это

совершенно не моральный плюс или минус, а абсолютно физический, электрический, ничего общего с отрицательными или положительными качествами человека не имеющий. Моё глубокое убеждение состоит в том, что в общем случае души людей умных, высокоразвитых, образованных и общественно полезных, если хотите, мотивированных, высокоморальных, чьи устремления направлены на всеобщее благо...

Гурьев при этом привстал и шутовски раскланялся, чем несколько разрядил обстановку и внёс необходимое оживление – все засмеялись, улыбнулся и Ладягин, признательный Гурьеву за своеобразную поддержку. Когда «шеф» уселся, успев что-то шепнуть Рэйчел, от чего та медленно, но очевидно порозовела, опуская глаза, Ладягин, кивнув, продолжил:

– Так вот, души таких людей имеют, как и земля, заряд минус. Именно потому они от земли отталкиваются, устремляясь вверх, в космос, к звёздам, где, возможно, впоследствии становятся источником образования новых звёзд и вообще того, что мы называем «светом Вселенной». – При этих его словах присутствующие переглянулись. – Это не совсем, возможно, та «вечная жизнь», о которой говорят нам в Церкви, но, по крайней мере, это нечто не менее возвышенное и, если хотите, почётное... По крайней мере, меня такая судьба после окончания земного пути вполне бы устроила. В противоположность тому, души людей низких, глупых, злонамеренных, имеют заряд плюс, почему и стремятся, в некотором смысле, к центру земли, где, как известно, располагается, по мнению людей верующих, ад. Исходя из этого теперь предположения, легко допустить, что религия, духовные практики как-то пытаются человеческим душам... помочь, если можно так выразиться, устремиться не вниз, а вверх. Покаяние, прощение, соборование, отпущение грехов, всё, с этим связанное – это и есть не что иное, как направление и перенаправление души. Разумеется, всё это чрезвычайно сложно и неоднозначно, – например, покаяние, раскаяние может означать в том числе и реорганизацию информации, её переосмысление в определённом ключе, что меняет, опять же, результирующий заряд... Я, право же, не хотел бы чрезмерно в физику углубляться, поскольку и так уже всех бесконечно утомил.

– Ничего-ничего, Владимир Иванович, – подал голос генерал, – когда-то же и нам необходимо информацию реорганизовывать, ко всеобщему благу и усвоению необходимого для устремления в небеса заряда. А то так и помрём дураками – да и в ад, ничтоже сумняшеся, отправимся, так что мы вас чрезвычайно внимательно слушаем.

Все опять – включая священника – заулыбались. Ладягин, ещё более воодушевившись недвусмысленной поддержкой слушателей, – особенно польстил ему горящий любопытством взгляд мальчика – продолжил лекцию:

– Предполагаю, что по смерти человека выход этого самого газа происходит сравнительно медленно, поскольку, чтобы выйти в виде заряженных частиц через проводящие жидкости и ткани, например, позвоночного столба – так называемый ионный или ионно-связанный дрейф – необходимы часы и даже дни. В этой связи вполне возможно, что худшая смерть для человека – это моментальный разрыв на куски, как при взрыве, например. Поэтому Иван Грозный, взрывая людей порохом и преследуя мысль – «отправить в ад без покаяния» – был, к несчастью, в каком-то смысле прав.

– Получается, все эти девять дней, сорок дней и прочее имеют вполне материальную подоплёку. Интересно, отче, не правда ли?

– Если это поможет вам, Яков Кириллович, склониться к искреннему принятию Святого крещения, не замедлю согласиться, – отпарировал священник под общее веселье. – Правда, я пока не совсем понимаю, каким образом всё сказанное отвечает предмету нашей непосредственной заботы.

– Сейчас, батюшка, мы к этому подойдём, – пообещал Ладягин. – Я полагаю, в соответствии с изложенными соображениями, что ад есть не что иное, как скопление положительно заряженных газовых облаков, душ, не способных либо не сумевших переменить заряд с плюса

на минус. А теперь я могу вполне последовательно предположить, что эти газовые облака взаимодействуют, во-первых, между собой, что совершенно логично, и, во-вторых, находясь в непосредственной близости от нас, живых людей, они пытаются взаимодействовать и с нами тоже.

– Зачем?! – звонко спросил Тэдди.

– Чтобы питаться, – повернулся к нему Ладягин. – Несомненно, в этой жизни после жизни, хотя и отсутствует биохимический обмен веществ, присутствует обмен энергетический.

– Джейк... Ведь именно об этом...

– Подожди, родная. Давайте дальше, Владимир Иванович.

– Дальше вот что получается, – заторопился Ладягин, понимая, что очень скоро у слушателей, за исключением, пожалуй, Гурьева, просто-напросто иссякнут запасы знания и терпения и они потеряют нить разговора. – Для тех, кто с зарядом минус, вопрос питания остро стоять не должен, поскольку в космических безднах всякого рода излучений масса – и звёзд, и Бог знает чего ещё. А вот на земле, паче того – под землёй, с этим должно быть не так чтобы уж очень замечательно...

– Но ведь они и должны быть там запечатаны, разве нет?

– А землетрясения всякие, сдвиги тектонические, трещины, провалы, бурение, наконец? Вот и получается у них... Выходить на поверхность. Естественно, поскольку тут много... энергии, то есть пищи, они стремятся тут как можно дольше и крепче задержаться.

– Яков Кириллович уже выдвигал гипотезу, что они способны на живом человеке паразитировать.

– Очень, очень возможно! Замечательная мысль! То есть... Что это я... Ничего замечательного в этом нет, конечно...

– Да уж. А как же обстоит дело с взаимодействием, если заряд – одинаковый?

– Заряд, как я уже говорил, результирующий. Опять же – разница потенциалов земли и эфира, сиречь космоса, да и процесс слипания равнозаряженных частиц науке хорошо известен.

– Значит, и тут нет противоречия?

– На мой взгляд, никакого. А вот с вами, Яков Кириллович, несколько сложнее обстоит, судя по всему.

– То есть?

– Из вашего рассказа – и про нападение в госпитале, и про того бандита американского – я сделал вывод, что на вас атмосферное электричество оказало какое-то очень избирательное влияние. То есть другие люди этих сущностей не видят – а вы видите. Конечно же, не оптическим зрением а, так сказать, духовным, но это «видение» потом просто в зрительные образы мозгом преобразуется, так что ничего особенно странного я тоже не нахожу. И выглядят они так, как именно и должны выглядеть – то есть... облаками. И ещё – похоже, вас они не пугают.

– С чего я должен их бояться?!? – изумлённо уставился на Ладягина Гурьев.

– Ну... видите ли... – замялся оружейник. – Есть в них что-то такое... Не просто опасное, а... может быть, вот это самое опасение, что оно зацепится – и пропала душа христианская... А у вас, похоже, и зацепиться не за что.

– Что ж я – ангел, по-вашему?! – рассердился Гурьев.

– Ну, ангел – не ангел, а вот зацепиться им, похоже, за вас не получается. Потому что пытаться-то должны были.

– Ладно, обо мне, любимом, мы ещё побеседуем. Давайте всё же к нашим этим сущностям возвратимся. Как же они выживают? Один способ, как мы сумели догадаться – паразитизм. Но это – для каких-то совсем мелкотравчатых сущностей, судя по всему. А посерьёзнее? Жрут друг друга?

– Думаю, именно так. Включают в себя, то есть пожирают.

– Тогда получается, что в результате некая сущность остаётся одна, включив в себя всех остальных? – нахмурился Осоргин. – Нет. Не то!

– Правильно, не то. Но думаю, есть... очень крупные. Старые, и потому... очень большие. А там уже совсем другие закономерности начинаются. Они уже, в общем-то, могут в нашем мире не только через кого-то, но и сами по себе действовать.

– А вот с этого места поподробнее, пожалуйста.

– Я вас прошу, дамы и господа, не переживать сверх меры раньше времени, ибо это всего лишь гипотеза – и очень мне хочется, чтобы она так гипотезой и осталась... Однако не поделиться с вами не считаю возможным. Так что... это Оно – просто-таки определенно некий громадный конгломерат присоединенных сущностей. Общая масса его видимо может достигать многих пудов, а то и метрических тонн. Вполне вероятно, что Оно может выглядеть большим облаком – при некоторых условиях освещения или, например, интенсивности солнечного ветра в атмосфере, или при северных сияниях. Иногда Оно – просто мираж. Живёт Оно, скорее всего, в больших естественных пустотах, где никто не мешает его покою. А может, и в морских глубинах – сколько у моряков существует легенд о том, как всплывает нечто, и все на корабле сходят с ума, и бросаются, обезумев, за борт... Вряд ли это совсем уж поголовно выдумки!

– Перемещаться оно может? – быстро спросил Гурьев.

– Да, – кивнул Ладыгин, – и довольно быстро. По воздуху, в вакууме, в пористых телах. А вот через что-нибудь вроде брони или плотного бетона ему, думаю, будет невозможно напрямую просочиться – слишком много затрат на разборку кристаллической решётки.

– И энергии у него хоть отбавляй.

– И вот это уже опасно, – со вздохом сознался Ладыгин. – Поскольку оно имеет множество зарядов, зарядовых связей, постоянно подпитывающихся природными полями. Чем, как говорится, чёрт не шутит – возможно, ему и предметы перемещать по силам, электростатикой, скажем, а металл – наведённым электромагнитным полем, говорил же Яков Кириллович, что оно с ним разговаривало, то есть разумность в нём некая присутствует... Вполне возможно, что такое вот Оно может и самоуплотняться, напоминая по консистенции уже нечто вроде киселя или студня. В таком виде, преобразовывая свою атомную структуру в нужное химическое вещество – например, кислоту какую-нибудь – может причинить материальный вред, а то и убить. Не исключено, что оно способно «отрывать» от себя «куски» и посылать «по делам». А затем вбирать обратно.

– Похоже, это с нами и случилось.

– Оно так произнесло «Я» – как будто бы с прописной буквы, – Гурьев прищурился. – Возможно, потому, что было частью... некоего целого?

– Яков Кириллович, а вы как это... существо уничтожили? Каким ударом?

– Этот удар называется «осенний лист». Один удар – из двух, в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Сложно объяснить словами, ей-богу. Лучше я вам как-нибудь при случае продемонстрирую.

– Точно! – воскликнул Ладыгин. – Точно! Обе плоскости симметрии, горизонтальная и вертикальная!

– Это очень сложный способ борьбы, Владимир Иванович, – улыбнулся Гурьев. – У меня такое чувство, что владеют им буквально единицы. Может, нам пора перейти ко второй части доклада, а именно – «методам борьбы»?

– Так ведь это я и собираюсь сделать! – боднул кулаком воздух Ладыгин. – Я всё рассказывал затем, чтобы вы себе как можно лучше представили, с чем мы столкнулись! И есть ещё много вариантов, какими оно способно воздействовать на людей. В том числе очень опасных!

– Огласите оные, Владимир Иванович.

– Они могут наводить разнообразные мороки и галлюцинации... Не так ли, батюшка? – Отец Даниил нехотя кивнул, и Ладыгин продолжил: – Думаю, действуют они через мозг, так как

их сущностью является всё-таки информация, об этом забывать не следует никогда! Возможно, они могут – при помощи оставшихся в телах недавно умерших людей и животных химических соединений, вызывающих сокращение мышц – заставлять эти тела двигаться...

– Господи помилуй...

– Это очень сложно, Владимир Иванович, – скептически поджал губы Гурьев. – Насколько я знаю, такие вещества крайне неустойчивы и короткоживущи, поэтому... Ну, в каких-то совершенно уже исключительных случаях такое, может быть, и возможно в принципе, но уж статистически – просто ноль и неприличное число сотых.

– Ну, пусть, – не стал настаивать Ладягин. – Однако же недаром принято покойников всё-таки хоронить, и как можно скорее.

– Ну, это по многим причинам целесообразно, – усмехнулся Гурьев. – То есть вы предлагаете – поскольку мозг всё равно так или иначе всем управляет – стрелять непременно в голову?

– И разрывными, Яков Кириллович, разрывными, – поддакнул кавторанг.

– Господа, может быть, вы всё-таки дадите Владимиру Ивановичу закончить? – тихо попросила Рэйчел. – А то, я вижу, вы уже мысленно снаряжаете патронташи.

– Примерно, примерно, – покивал Матюшин. – Просим вас, Владимир Иванович.

– Не исключено, что они могут вселяться и в животных. В том числе с большой массой, хищников, и так далее. Так что если на нас бросится стадо обезумевших коров, можно с известной долей уверенности предполагать, с чем, или с кем, мы имеем дело.

– С бешеными тёлками, – вспомнил мальчик недавно услышанное от кого-то из господ офицеров словечко, чем развеселил всех – даже Рэйчел улыбнулась.

– Ну, уже... где-то, как-то, – отсмеявшись, Матюшин посмотрел на Осоргина, потом на Гурьева. – Некие облака положительно заряженных газовых частиц и их конгломератов. И что?

– А вот послушайте. Известно, что химически чистое серебро в результате слабо изученных внутриатомных процессов, находясь в воде, способствует появлению отрицательно заряженных ионов, которые, помимо всего прочего, обладают ещё и бактерицидными свойствами. Возможно, что-то похожее происходит, когда серебро взаимодействует с этими сущностями? Для отрицательно заряженного оно, так сказать, нейтрально-безопасно, а вот для положительно...

– А что? Непротиворечиво, опять же.

– То есть, все старые добрые дедовские способы можно применять?

– Ну разумеется!

– А ещё лучше тогда, если серебро распылять, – опять заговорил мальчик. – Да, Джейк? Так... Ну, область больше. И площадь, и объём.

– Правильно.

– А его же в святой воде растворяют, – добавил Тэдди. – Тогда вообще совсем просто: святая вода, с серебром – и пульверизаторы, водомёты. Да, Джейк?

– Тоже годится. Только воздействие может оказаться недостаточно мощным. Но над этим ещё Владимир Иванович подумает, с тобой вместе. Вы как, Владимир Иванович? Возьмёте Андрея Вениаминовича в помощники?

– Какие могут быть вопросы, Яков Кириллович, – улыбнулся Ладягин, без промедления подыгрывая Гурьеву. – Непременно возьму, и с огромным удовольствием. Я вот подумал, что на них может разрушительно влиять мощное ионизирующее излучение, вроде рентгеновского. И высокие температуры. А вот механическое воздействие им, похоже, сильно повредить не может.

– А мечи?

– Мечи – отдельная тема. Они ведь у вас, Яков Кириллович, совершенно не простые... Над прочими способами надо будет усиленно подумать. Теперь это немного легче...

– Всё равно мы ничего не знаем наверняка.

– Ну, почему же. Известно, что оно есть, обладает чем-то вроде разума, желает употребить в пищу нечто, находящееся внутри человека, и его можно уничтожить. Это очень ценные и важные сведения, хотя, конечно же, недостаточные для того, чтобы от суммы догадок переходить к теориям. Владимир Иванович, хочу увидеть список необходимого вам оборудования и примерный штат помощников с указанием научных профилей и специальностей...

– Нет, Яков Кириллович, – покачал головой Ладагин. – Это неправильно. Это в научном сообществе никогда – по крайней мере, в ближайшие десятилетия – принято не будет. А в одиночку мы такие исследования просто не потянем. Да нам это и не нужно. Оружие против этих... мерзотов я вам и без миллионных затрат предоставлю.

– Так как же мы их увидим?! Чтобы врага уничтожить, надо знать, где он находится!

– Детектор я сделаю, – спокойно, буднично даже заявил Ладагин.

– Детектор?!?

– Да. Яков Кириллович утверждает, что почувствовал вибрацию. Возможно это гармоника истинной частоты, скорее всего, очень высокой. Есть исходные материалы...

– И как мы его... испытаем?

– А вот как сделаем, так и испытаем.

– Да где?! Чёрта в гости позовём?!?

– Ну, это лишнее. Поднесём к какой-нибудь... сволочи. Сработает – значит, правильно настроили.

– Ну, это уж вы хватили, Яков Кириллович, – возмутился священник. – Злодеев детектором определять?!

– Злодей и так виден, – пожал плечами Гурьев. – Мне интересно, что у него внутри. Пока ещё вскрытие покажет! А мне сейчас интересно. И мы непременно должны выяснить, что же это на самом деле такое.

– Мы знаем достаточно для того, чтобы успешно им противостоять, – твёрдо заявил Ладагин. – Остальное – когда у вас, Яков Кириллович, будет в полном вашем распоряжении научный потенциал страны вроде Англии или Североамериканских Штатов. С меньшими силами браться за полномасштабные исследования в этой области по меньшей мере наивно.

– Они никогда не согласятся...

– Верно. Вам повезло в том смысле, что я прикладник, а не учёный. Будь я учёным, таким, как ваш Капица, вы бы мне и рассказывать ничего не стали, так?

– Так, – повесил покаянную голову Гурьев. – У кого ещё есть вопросы к докладчику?

– У меня, – поднял руку Матюшин. – А куда же нам поместить, в рамках вашей, Владимир Иванович, теории, всевозможные «эргрегоры толпы»?

– Пока не знаю, – покачал головой Ладагин. – Думаю, где-нибудь, если можно так выразиться, посередине, поскольку эти образования в некотором смысле неустойчивые и без адептов мало к чему способные. Если же учесть, что адептами на индивидуальном уровне возможно манипулировать, то эргрегор уже совсем становится совокупностью множества разнонаправленных элементов, так что...

– А есть ещё и эргрегор, то бишь бес, коммунизма...

– Стоп-машина, Вадим Викентьевич. Это уже преумножение сущностей, против которого я категорически возражаю. Эдак мы с вами ещё и до беса христианства договоримся, и батюшка нас совсем покинет. Это нам не нужно, не наш метод.

– И на том спасибо, – проворчал явно расстроенный священник.

– А к тому мы ещё имеем различные духи гор, ручьёв, тенистых рощ и старых развалин, чьё поведение может отклоняться как в плюс, так и в минус, в зависимости от того, на какую сторону их потянет в присутствии человека либо какой иной духовной сущности... Одним

словом, получаем пёстрый и разнообразный духовный мир, – подытожил Гурьев. – И как прикажете в нём разбираться?

– Никак невозможно в нём разобраться, Яков Кириллович, – покачивая головой, произнёс священник. – Поверьте опыту духовного лица, невозможно. Больше того – невозможно в принципе. И дело тут совершенно не в умственных способностях. Не вы, что называется, первый пытаетесь. Каббалисты, христианские гностики, всевозможные мистики, суфии – многие пытались, да только ничего не выходит. Это, друзья мои, падшие духи. Понимаете? Да, они легко идут на взаимодействие, дают «ценные», «правильные» советы, особенно поначалу, поэтому-то так легко человеку поддаться влиянию беса – он лучше «виден», ведь ангелы не вмешиваются открыто в нашу жизнь и на контакты не идут, за исключением самых судьбоносных моментов...

– А это, значит, был не судьбоносный момент. Рэйчел, ты ангела, случайно, не видела? Тебя никто на небушко не приглашал?

– Нет. Джейк, пожалуйста... Батюшка, мы вас слушаем.

– Наука изучает видимый мир. А этот мир – невидимый. Нематериальный, что бы Владимир Иванович не говорил. Исследовать этот мир – опасно, ибо они, эти сущности, рады любому «исследователю». Сколько таких исследователей по монастырям с незапамятных времён пряталось и прячется... – отец Даниил укоризненно покачал головой. – Нет там никакой науки, никакой физики. Другие там законы, совершенно другие. Они притворяются материальными, чтобы вы их «исследовали». Вот в чём дело.

– Это интересная мысль – притворяются материальными. Весьма, хотя и крайне противоречивая. Ну, да ладно. Одного я, похоже, всё же уничтожил. Как с этим быть? Вполне материальным инструментом, кстати. И сигнал о приближении я получил очень даже материальный.

– Да я понимаю, Яков Кириллович. Понимаю. Но и вы поймите. Человек, по Писанию, намеренно огражден от видения этого мира духов, чтобы не впасть в удручённое состояние – этих духов как мошкары. Они создавали бы большие препятствия для жизни нашей, заслоняя видимый, более плотный мир. Человеческая душа сама имеет тонкую природу. Но человеческий разум после грехопадения замкнулся на себе, потому в его развитие и вкладывает человек основные силы, не умея вообще наладить связь с душой, чтобы вкладывать свои силы в её развитие. Конечно, эти сущности действительно есть, и иногда можно действительно с ними столкнуться, особенно ночью, во сне или же в момент засыпания. Как с вами, Яков Кириллович, и произошло. Но исследовать их невозможно, повторяю. И не нужно. Не потому, что я против науки или исследований, спаси Господи. Но это мир, от которого защищаться необходимо, а не изучать его. Меня обнадёживает во всей этой истории только то, что и Владимир Иванович так считает.

– Верно, батюшка. Не стоит туда человеку соваться. Хотя соблазн, конечно...

– Вот. Соблазн!

– Да нет никакого соблазна, – поморщился Гурьев. – Есть интерес понять, с чем имеешь дело, чтобы правильно организовать защиту и нападение.

– Нападение?!? Да вы что такое говорите, Яков Кириллович!

– А что? – пожал плечами Гурьев. – Война – так война. А сидеть да обороняться – так много не навоюешь. Меня интересует один, на самом деле, вопрос: смертны ли эти сущности. То, что их можно уничтожить – понятно. Но человек смертен сам по себе, вследствие, так сказать, законов термодинамики. А эти? Что скажете, Владимир Иванович?

– Я думаю, что и на них те же самые законы распространяются. В конце концов, живая субстанция от неживой тем и отличается, что обладает, на основе химических и физических процессов, способностью к самоорганизации. Конечно, при этом накапливается энтропия. Уверен, что и у этих сущностей – та же проблема. Разумеется, они смертны, только срок их жизни, если можно так выразиться, очень длительный. И энергия для питания нужна им постоянно.

– А крест этот в госпитале?

– Не могу утверждать, но... Мне представляется, что они тоже подвержены своего рода эволюции, тем более, что мутационные изменения в их, так сказать, «организмах» вызвать не в пример легче, чем в сложных системах. Фактор среды очень сильно должен влиять.

– Бесы примитивны, а, отче?

– Безусловно, примитивны, Яков Кириллович.

– И тут нет противоречия с эмпирическим знанием. Дальше, Владимир Иванович.

– Полагаю, они умеют впадать в состояние, которое можно назвать спячкой. В состоянии покоя им нужно совсем немного энергии, буквально крохи. А вот в состояние возбуждения они приходят, когда их... вызывают.

– Имя!

– Да.

– Остаётся опять же проверить это на практике, – Гурьев посмотрел на священника. – Нет, нет, отче, вы меня неправильно поняли. Исключительно при благоприятных условиях.

– Господь с вами, Яков Кириллович.

– Погодите, господа, – вмешался Матюшин. – Но тогда получается, что они могут самостоятельно передвигаться? Даже самые примитивные из них?

– Я думаю, человек, вызывая беса, уже снабжает его энергией. А вот как это на физическом уровне происходит – это, знаете ли, вопрос вопросов, Николай Саулович.

– А я думаю, они всегда возле людей держатся, – сказал Тэдди. – Им же люди нужны, правильно? Они же только от людей могут получить то, что им нужно?

– На земле – скорее всего.

– Тогда они всегда близко, – нахмурился мальчик. – И всегда ждут, как за людей зацепиться. Да, Джейк?

– Очень похоже, – Гурьев кивнул. – Очень. И это, конечно, всего-навсего паразиты. Большие и маленькие. И перемещаются только в носителях, а в свободном, несвязанном, так сказать, состоянии, либо не слишком опасны вообще, либо очень непродолжительное время. Хотя, чтобы человека убить, времени нужно – всего ничего. Так что... опять никакого противоречия. Можно и повоевать.

– Единственно возможный способ войны, Яков Кириллович – принять сторону Господа, сторону Добра, если термин «Господь» вас не устраивает, и во всём этому выбору следовать.

– А мы не этим разве занимаемся? – удивился Осоргин.

– Совершенно не этим, Вадим Викентьевич, – повернулся к нему отец Даниил. – Или вы думаете, что путь Добра – это скакать с револьвером и палить в белый свет, как в копеечку? Освободить, как Яков Кириллович выражается, души из тел – это, по-вашему, есть следование воле и принципам Господней Любви?!

– Не согрешишь – не покаешься, – проворчал Осоргин. – В монастырь теперь прятаться, так разве?

– И это путь, Вадим Викентьевич, – мягко возразил Матюшин. – Однако, насколько я понимаю, не для всех. Для вас, для меня, для Якова Кирилловича путь этот тоже, конечно же, не заказан, однако уж очень он долгий.

– Длительность вещь тоже крайне неприятная, однако беда не только в ней. Если бы мы Царство Божие на земле устанавливали, тогда, конечно, прямая дорога – в монастырь, другого пути не существует. Мы же, отче, таких возвышенных и, прямо скажем, несбыточных целей перед собой не ставили никогда.

– А какие ставили? Царство земное? – тихо спросил священник. – Известно ли вам, кто сим царством управлять будет?

– Нет, – резко сказал Гурьев, обменявшись быстрыми взглядами с Матюшиным. – И такую цель, невероятно глупую, по причине её амбициозности, я никогда перед собою не ста-

вил. И абстрактная всеобщая справедливость меня тоже не интересует, ибо это утопия, и утопия крайне опасная и донельзя кровавая. Всегда существовал и будет существовать потенциал интересов, и баланс между ними, равновесие – вот это возможно и, больше того, действительно необходимо. Начиная же я, что вполне понятно, логично, этично и так далее, с близких и дорогих мне людей – с себя, в каком-то смысле. Это – как точка отсчёта, печка, от которой мы пляшем. А все эти царства божии да земные, всеобщие справедливости, коммунизмы и прочие измы – совершенно неустойчивые, неравновесные системы, потому и такой, извините за выражение, бардак в мире и творится. Удерживающие нужны, отче. Да не один – много. Те, кто понимает: равновесие – вот главное условие существования и развития. И в обществе, и в космосе, и в природе. Иначе – энтропия и хаос, разрушение и смерть.

– Однако... – крякнул священник.

В каминном зале повисло молчание. Первым нарушил его генерал:

– Я, дорогие друзья, чувствую, что мы все уже устали неимоверно. Потому предлагаю господам перекурить происходящее на балконе, кто курит, а всем остальным переместиться в столовую с целью всё сказанное как следует разжевать, заесть и запить. Что скажете?

– Вы молодец, Николай Саулович, – Рэйчел вздохнула и поднялась, за ней повскакивали и все остальные. – Я настолько заслушалась, что совершенно позабыла о своих обязанностях хозяйки. Вы, в самом деле, можете спокойно покурить – здесь или в саду – а я распоряжусь насчёт ужина. Огромное вам спасибо за лекцию, Владимир Иванович. Было очень интересно и... познавательно. И как-то даже совсем не страшно, – она улыбнулась Ладыгину. – Жду вас к ужину ровно в половине восьмого, господа.

Движение, возникшее совершенно естественным образом после этих слов, позволило Матюшину уединиться ненадолго с Гурьевым.

– Интересно вы пророчество интерпретируете, Яков Кириллович. Признаться, не ожидал – а получается-то весьма интересно.

– А вы думали – провалюсь, ваше превосходительство?

– Снова вы меня уязвляете, – кротко вздохнул Матюшин. – Да неужто не поняли вы ещё, что я за вас и за пресветлую нашу княгинюшку... Бог вам судья, Яков Кириллович. По-моему, извелись вы просто от тревоги за неё, голубушку. Надобно вам отдохнуть. Берите-ка её с мальчишкой в охапку, да отправляйтесь недельки на две, а то и на месячишко, на Мальорку какую, что ли. Ничего не рухнет, мы с Вадимом Викентьевичем справимся.

– *Coupe d'etat*¹²? – усмехнулся Гурьев.

– Опять вы, – уже сердито насупился генерал.

– Никак сейчас отдыхать не получится, Николай Саулович. Пиренейские дела на подходе, и вообще – не получится.

– Не считаете необходимым меня туда откомандировать?

– А не откажетесь?

– Так ведь сам вызываюсь. С удовольствием поеду. Тряхну, можно сказать, стариной.

– Вы берегите себя, Николай Саулович, – с тревогой сказал Гурьев, взглядываясь в лицо Матюшина. – Вы у нас совершенно уникальный, один, других таких, как вы, не имеется. Рисковать вами я не могу.

– А никакого риска, Яков Кириллович. Раз, два – и в дамках.

– Ну, в таком случае – на том и порешим.

¹² *Coupe d'etat* (франц.) – государственный переворот.

* * *

После ужина все, как по команде, снова потянулись в каминный зал, кроме Тэдди и Ладягина. Мальчик отправился спать: режим – превыше всего, а оружейник, никогда не питавший особых пристрастий к политическим разговорам, решил, что ломать эту замечательную традицию, им самим для себя установленную, ему даже сегодня совершенно не хочется.

Джарвис, расставив кресла вокруг камина, чопорно пожелал всем приятного вечера и, вознаграждённый за усердие благодарным кивком Гурьева и улыбкой хозяйки, удалился. Разговор перешёл в другое русло и двинулся в область морали и права, где теперь уже отец Даниил чувствовал себя полноправным хозяином.

– И всё-таки меня, признаться, совершенно не радует перспектива быть безмолвным свидетелем насилия. Неправильно это, не по-христиански. Само понятие удержания, Удерживающего, наполнено глубоким смыслом. Оно наводит на мысль об ограде, об особом препятствии, которое стоит на пути вторжения зла в повседневную жизнь, и о страже, который препятствует такому вторжению... Именно такую мысль вкладывает православная церковь в свое учение о Христианском Царстве и о стоящем во главе его Царе – Удерживающем, Катехоне, единственном полномочном носителе власти судейской и карающей...

– Так ведь сначала нужно это Царство устроить, отче.

– Царство невозможно устроить человеческим промыслом, Яков Кириллович. Царство должно быть явлено, понимаете?

– Понимаю. Вид и способ явления не подскажете? Очень мне это напоминает старый еврейский анекдот об одном праведнике, который во время наводнения уселся на крыше и всё ждал, когда Бог пошлёт за ним ангела. Мимо люди плывут: садись, спасайся скорее! А он: меня Бог спасёт, я праведник, он за мной ангела пришлёт. Ну, понятно, не дождался никакого ангела и утонул, бедняга. На том свете предстал пред Богом и давай его поносить: да что же это ты, такой-растакой, я всю жизнь тебе молился, ни разу субботу не нарушил, туда-сюда – как же ты меня так бросил?! А Бог ему отвечает: а я не посылал тебе плот и лодку, мишугинер?! Так и у вас, отче – явлено будет. А вы увидите его, это явление? Не пропустите, особого явления ожидаючи?

– Господь укрепит и не допустит, Яков Кириллович. Непременно разглядим, непременно. Только для этого необходимо душу очищать, укреплять её пред Господом, а не гекатомбы громоздить! Ведь не просто какую-то коммунистическую сатрапию устроить хотите, а – Царство. Христианское Царство составляет ограду Церкви, ограду всего общества. Все государства, которые добро устроены, которые созидаются в согласии с данным апостолом Павлом образцом, охраняют каждого из нас от массы искушений. Как же Царство, на гекатомбе выстроенное, может от греха сохранить?! Да что далеко ходить за примером – не большевики ли о светлом и радостном будущем твердили...

– А с чего это вы взяли, что мы непременно гекатомбы возводить собираемся, батюшка?

– Государства по-иному не возникают, господа. Вам ли, военным людям, не знать об этом? Тем более во времена нынешние, времена последние...

– Вот именно. А Царство, о котором вы говорите – это Царство не от мира сего.

– А вы все, Николай Саулович, повторяю, Царство земное строить взялись!

– Нет, отче. Вы не правы. И вот почему. Евангелие говорит о Царстве земном, о Царстве Антихриста, в том смысле, что это Царство все страны и народы объединит. Речь в Евангелии идёт исключительно о всеобщем едином государстве. Но такое, во-первых, и невозможно – и слава Богу, и во-вторых – вообще нашей целью не является. Потому меня и не пугают евангельские ужасы, что я в них не верю и их не боюсь. Антихрист столько раз уже появлялся, отче, что бояться его как-то даже совестно.

– Что вы говорите, Яков Кириллович?!

– Да то и говорю. Наполеон. Троцкий. Теперь Гитлер с его «новым немецким порядком». Это всё явление совершенно одинакового свойства. То самое старание «объединить», «осчастливить» человечество, привести его к «свету» в рамках единого всемирного государства. А будет это всемирная республика коммунистического труда или национал-социалистическое «ариобесие» – совершенно неважно.

– Я вам просто поражаюсь. Вы же всё знаете – и не верите! Как так?! А может, напрасно не верите, Яков Кириллович?!

– Может. Но восстановить в России легитимную власть – это никак не может быть анти-христианской мыслью, батюшка!

– Что вы понимаете под легитимной властью, Вадим Викентьевич? Разве не достаточно нам было послеоктябрьской смуты, чтобы понять – существование, не определённое ни законом, ни мечем начальника, ставит человека перед выбором не между грехом и добродетелью, но между грехом большим и грехом меньшим! Человек будет грешить не по страсти, не по произволу, а просто по жизненной необходимости! Так это было уже – и к чему привело?!

– Так вы, отче, полагаете, что мы новую смуту готовим? – настойчивость священника начинала Гурьева раздражать.

– Я не знаю, что вы готовите и, признаться, не горю желанием узнать. Я только думаю, что вам, Яков Кириллович, под силу раскачать всё, что угодно, и это несказанно меня пугает. Вас ведь называли – Замыкающий Врата! А вы – отворяете!

– Чтобы затворить, как следует – заржавевшие петли ох как раскачать требуется, – пробормотал кавторанг.

– Сказано было как раз вовсе противоположное – не похож, – прищурился Гурьев.

– Так оборотитесь же, Яков Кириллович! Для того и сказано! Для того Господь и послал вам – и нам всем – это испытание, чтобы напомнить, предостеречь! Указать на то, что врата адовы не отворять, а замыкать необходимо! Раскачать – вы говорите, Вадим Викентьевич?! А не от крови ли пролитой они заржавели, попусту и напрасно, утехи сатанинской ради, пролитой?!

– То есть вы боитесь.

– Именно что боюсь. Конечно, боюсь. Боюсь и желаю, всею душой страстно желаю, чтобы вы именно чину Замыкающего, вам, по моему разумению, свыше пожалованного, несмотря на вашу вроде бы – якобы! Яков же вы! – непохожесть, соответствовали! Замыкающего – не отворяющего! Как же вы, Яков Кириллович, Царство Христианское строить собираетесь, если сами... даже в Бога не веруете?!

– А это обязательно? – без всякого сарказма поинтересовался Гурьев. Напряжение последних месяцев – месяцев?! – кипело в нём, требуя выхода. – Я же не собираюсь Христианским Царём становиться. Ни Боже мой. Мне это без нужды, знаете ли. А вы все – христиане, да ещё и верующие, и, что уж совсем замечательно – православные. Вот только царство вы строить разучились. Терять – научились, а строить... Придётся вам наставника нанять. Со стороны. Он, конечно, царства для вас не построит – не нужно это, богопротивно, я бы сказал, царство кому-то строить, чтобы этот кто-то на готовенькое царство пришёл и в нём уселся. Нет. Самим надо, непременно самим. Но навыки нужные заставит вспомнить, объяснит, что к чему в царствостроительстве организовать, так, чтобы и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Ну, а сам он – всего-то сбоку припёка, технический консультант. Он даже денег не возьмёт столько, сколько следовало бы запросить. Не то, чтобы он цены своей не знает – знает, очень хорошо знает. Только не нужны ему будут ни алмазы пламенные, ни палаты каменные. Мечи его всегда прокормят, пропасть не дадут. Вот потом и возьмёт он свою дорогую маленькую девочку, – Гурьев встал позади Рэйчел и положил ей руки на плечи, а она, повернувшись, подняла на него свои сияющие, полные слёз глаза. Гурьев ободрающе улыбнулся ей и повторил: – Возьмёт он

свою дорогую маленькую девочку за руку – и уйдёт с ней, куда им обоим вздумается, на восход или на закат, на полночь или на полдень. Он научит вас равновесие установить и удержать, – с него и хватит. – И он наклонился к уху Рэйчел: – Пойдёшь со мной, девочка моя дорогая?

– Пойду, – кивнула Рэйчел. – Пойду, Гур.

Гурьев вздрогнул – нечасто она так называла его. Впервые – прилюдно.

– Господи, Яков Кириллович... Да что ж это такое... Нельзя же так... Кто же вас гонит-то?! Ах, Боже ты мой, да что же я такое говорю...

– Не гонят сейчас – погонят потом, – Гурьев присел на подлокотник её кресла, и Рэйчел вцепилась обеими руками в его руку так, словно боялась – он вот-вот улетит. – Мы это уже проходили. Да, девочка моя родная?

– Проходили, Гур, – шёпотом подтвердила Рэйчел. Говорить громче она не могла из-за слёз, сжимавших ей горло. – Проходили, конечно.

– Вот видите, отче, – бестрепетно улыбнулся Гурьев. – Девочка моя понимает меня – чего же мне ещё надо от этой жизни? Уверю вас, отче – ничего. Ровным счётом.

Твоя девочка тебя понимает, Яшенька, подумала Рэйчел. Потому что она – твоя. Поэтому. Только твоя – и ничьей больше никогда не была и не будет. Не будет – и тебя никому не отдаст.

Рэйчел вдруг встала и шагнула вперёд, заслонив Гурьева собой. И голос её, поднявшись к сводчатому потолку каминного зала, обрушился на всех присутствующих, как невыносимая тяжесть самого Неба:

– Я понимаю. Лучше всех понимаю! Я знаю – и попрекнут, и погонят. И скажут: богатство твоё несправедливое. И скажут: крови пролил – море, и головы рубил – не считая, и женщин любил – никого не спрашивал! А то, что упрашивали, умоляли – приди, помоги, оборони, выучи! – забудут. Забудут сразу и накрепко, словно и не было ничего. Ты прав, Гур. Именно так всё и случится. Поэтому ты уйдёшь – прежде, чем они сказать такое посмеют, а я – уйду с тобой. Нам с тобой ничего ведь от них не нужно, правда? Только прошу тебя – давай уйдём сейчас. – Она повернулась к нему. – Прямо сейчас.

– Я не могу, родная моя, – глухо проговорил Гурьев, тоже вставая. – Я слово давал.

– Они не стоят твоего слова!!!

– Ты стоишь, родная моя. Честь стоит. Родина стоит, Россия. Да и люди, в общем-то, не виноваты. Прости меня. Я так не смогу. Но в одном ты совершенно права: сейчас нам точно пора уходить, и пусть закончится этот разговор. – Он уже полностью взял себя в руки и обнял Рэйчел, которую колотила нервная дрожь, прижал к себе. – Пойдём, моя девочка. Утро вечера мудренее, и... Я с тобой. Идём. Спокойной ночи, господа.

Гурьев почти насильно увёл её – и не позволил оглянуться. И не оглянулся сам. Двери за ними закрылись, затворились беззвучно, словно те самые врата, и в зале повисла такая тишина, что её можно было резать ножом и раскладывать по тарелкам. Трое, оставшиеся сидеть в креслах у камина, никак не могли набраться мужества взглянуть друг на друга.

* * *

Химия. Химия. Он твердил про себя, – химия! – словно мантру, боясь, что сходит с ума. Понимая уже, что химия кончилась – и началось что-то совершенно иное. Он думал, что понимает. А оказалось – не так. Омываемый потоком её прикосновений, слёз и поцелуев, он понимал лишь одно, – что сходит с ума.

– Если ты ещё раз так дотронешься до меня, я умру.

– Как? Вот так? – Рэйчел улыбнулась сквозь слёзы, и он снова ощутил её жаркий, мягкий и дразняще-влажный язык на своей плоти. Он застонал, а она засмеялась тихонько. – Вот так, да? Или так?

– Господи...

– Это не «господи». Это я. Только я. Это могу только я. Больше – никто. Нигде. Никогда.

Чувствуя, как под её ласками выгибается дамасским клинком и звенит это сильное, красивое тело, понимая свою над ним безграничную, нежную власть, она уже знала – именно так. Никто. Нигде. Никогда. Кроме неё. Рахиль и Иаков.



Мероув Парк. Июль – август 1934 г.

– Гур, а что мы сегодня ещё будем делать?

– Сегодня мы будем заниматься геополитикой. Знаешь, надутые профессора немецких университетов пишут толстые-претолстые труды по геополитике, поэтому все думают, будто геополитика – это что-то такое очень мудрёное, ужасно научное и архисложное, недоступное человеческому разуму. Сейчас я легко докажу тебе, Тэдди – это не так. Смотри.

Гурьев потянулся, взял из папки с контурными картами сброшюрованный лист Европы и быстро заштриховал на нём Германию. И пододвинул лист к мальчику:

– На что это похоже?

– В каком смысле?!

– Тэдди, у тебя же есть воображение, правда? Включи его. На что это похоже?

Мальчик некоторое время разглядывал заштрихованное поле, потом медленно проговорил:

– Это похоже... На огромного волка. Волка с разинутой пастью, – и посмотрел на Гурьева вопросительно.

– Верно, – улыбнулся Гурьев. – В самую точку! А теперь посмотри ещё внимательнее. Что тебе кажется?

– Мне кажется, – немного неуверенно начал мальчик, – что у него... Очень большая пасть. Гораздо больше, чем... нужно.

– Отлично, Тэдди, – потрепал его по плечу Гурьев. – Отлично, просто здорово! Молодец. Мне тоже именно так это представляется. А теперь скажи мне вот что. Животное с такой громадной, всё время разинутой пастью, маленьким туловищем, без передних лап и задних, для опоры – может оно быть жизнеспособным? Как ты считаешь? Подумай.

– Ну... наверное, нет. Наверное, такому... Я думаю, нет.

– Хорошо. А теперь давай представим, что нужно сделать, чтобы этот уродец превратился во что-нибудь полноценное. Давай приделаем ему туловище и лапы. Попробуешь?

Тэдди, закусив нижнюю губу, взялся за грифель. Гурьев внимательно следил за его работой. Наконец, мальчик закончил и положил грифель:

– Вот.

– Неплохо, – кивнул Гурьев. – Даже, можно сказать, хорошо. А теперь давай подумаем вот в каком направлении. Если бы во всей Европе жили одни только немцы, в той картинке, что ты нарисовал, не было бы ничего... страшного. Правда?

– Да.

– Но беда в том, что в Европе живут десятки наций и народов. Как ты думаешь, нравится ли им зверюшка, которую мы с тобой нарисовали?

– Нет, – улыбнулся мальчик и покачал головой.

– А теперь представь себе, что ты – немецкий император. Скажем, кайзер Генрих. И перед тобой стоит задача – чтобы вот этот нарисованный на карте зверь наполнился жизнью, государственной кровью, чтобы всё заработало. Что тебе нужно для этого? Чтобы завоевать, покорить, подчинить всех, кто не согласен с твоим рисунком. В первую очередь?

– Армия?

– И армия тоже, но сначала всё-таки нужны заводы для того, чтобы наделать достаточно ружей, пушек, танков и самолётов. Правильно?

– Да.

– Как ты думаешь, это легко?

– Нет, – уверенно сказал Тэдди. – Думаю, это сложно. И очень дорого.

– А где бы ты взял для этого деньги?

– Из казны. Из налогов.

– А если не хватит?

– Тогда... Надо будет увеличить налоги. Ввести пошлины.

– Акцизы, пошлины, налоги... Это довольно хлопотно, правда? Смотри, что у нас выходит. Для того, чтобы накормить и напоить нашего зверя, нам нужно очень много всего. Как ты думаешь, а люди, которые живут в твоей стране – им понравится то, что ты делаешь? Если ты увеличишь налоги, заставишь их делать пушки и ружья вместо велосипедов, заберёшь их сыновей в армию, заставишь их воевать и многих из них, в общем-то, просто убьёшь? И совсем не очевидно, что у тебя всё получится гладко и с первого раза. А?

– Думаю, им это совершенно не понравится, – нахмурившись, сказал мальчик. – Я думаю, они решат, что я очень плохой император и меня нужно свергнуть.

– Это правильное предположение. Но даже если люди согласились кормить этого крокодиловолка. Смотри, что получилось.

Гурьев снова подвинул себе карту и быстро заштриховал область германской оккупации к концу Великой войны.

– Видишь?

– Да.

– Что?

– Опять пасть! Ещё больше. Вообще необъятная. И так разинута – сейчас лопнет.

– Кстати, именно так и случилось в восемнадцатом году. Ну, отступление к старым границам, – Гурьев стёр ластиком лишнее. – Вот. Отступили. А дальше?

– Что?

– Что дальше, Тэдди? Смотри, кайзера больше нет. А пасть – есть. Вот ты уже не кайзер, а демократически избранный канцлер. А зверь-то – он остался прежним. Как быть?

– Ну... наверное, надо что-то придумать, чтобы... Я не знаю, – сердито сдвинул брови Тэдди.

– Сердиться не надо, – мягко проговорил Гурьев. – Надо думать. Сердиться гораздо проще и приятнее. Особенно приятно сердиться, когда ты – самый главный. Особенно – когда ты король. Или император. Когда сердится император, все вокруг начинают дрожать: какой ужас! Император в гневе! Скорее несите ему варенья, поите его сгущенным молоком с сахаром! – Тэдди широко улыбнулся. Но Гурьев не собирался разделять его веселье: – Напрасно ты смеешься, дорогой мой. Получается, никто не думает о том, как объяснить тебе, что ты ошибаешься. Наоборот, все стараются уверить тебя, что всё хорошо. А когда на самом деле всё плохо, они, чтобы ты не сердился, будут тебе врать. А когда ты узнаешь, что тебе врут, ты рассердишься ещё больше. И они снова станут врать тебе, чтобы ты не сердился. И ты перестанешь понимать, что творится у тебя в государстве. Потому что все, боясь твоего гнева и права императора казнить и миловать, будут врать, врать, врать безостановочно, громоздить выдумку на ахинею, чепуху на идиотизм, – лишь бы ты не сердился. И подсовывать тебе игрушки и сладости. И вместо того, чтобы руководить, принимать решения, править страной и людьми, ты будешь топтать ногами, лопать мармелад и слушать враньё. И так до бесконечности. Хороший из тебя выйдет император?

– Нет. Ужасный, – продолжая улыбаться, покачал головой Тэдди.

– Правильно. Поэтому император никогда не покажет своим подданным, что он сердится. Он всегда будет с ними вежлив, ровно-доброжелателен, внимателен и спокоен. Он будет задавать вопросы и внимательно слушать ответы. И никогда не позволит им увидеть, что чем-то недоволен. А потом он примет решение, и все подчинятся, потому что он – император, царь, и таково его природное право и обязанность – принимать решения на благо страны и её подданных. А когда он захочет как следует посердиться, он отправится в тир и расстреляет из пистолета десяток поясных фигур – одиночными и очередями. Или возьмёт меч и разрубит на

куски несколько деревянных болванов. Или просто наколет дров для своего Большого Императорского Камина. Или направится в гимнастический зал, наденет перчатки и будет дубасить боксёрскую грушу до тех пор, пока из неё не посыплется песок и сам он не упадёт от усталости. В зависимости от того, чего ему больше захочется. Это называется царским поведением. Правильным царским поведением. Усвоил?

– Да.

– Знаешь, почему Сталин победил Троцкого, который был в десять раз образованнее, в сто раз блистательнее, смелее и ярче Сталина? Троцкого, великолепного оратора и пламенного революционера?

– Почему?

– Потому что Сталин никогда не кричит и не сердится. Никто никогда не видел его с перекошенным от ненависти лицом. И поэтому он очень опасный противник. Жестокий и целеустремлённый, потому что так вести себя умеют лишь люди, которые очень хорошо знают, чего хотят. И он вовсе не посредственность. Он умеет слушать и преподнести своё решение так, как будто он принял это решение, советуясь со всеми остальными коммунистическими вождями. Иногда это на самом деле так, иногда не так. А Троцкий – никогда никого не слушал, а только говорил. Тот, кто не умеет слушать, всегда проигрывает. Умный Троцкий вёл себя, как дурак, и проиграл. Сталин, который нигде ничему толком не учился, который плохо говорит по-русски и совсем не умеет полемизировать, скучный Сталин повёл себя, как умный, – и выиграл. Так всегда было, есть и будет. Всегда. Запомнил?

– Да. Получается, Сталин лучше Троцкого?

– Мы вернёмся к этой теме в другой раз, а пока скажу так – оба они хуже. Каждый из них плох по-своему, уникально и неповторимо. Для России и Сталин, и Троцкий – несчастье. Просто один негодай перехитрил другого. Вор у вора дубинку украл. Но об этом, повторяю, мы поговорим в другой раз. Обязательно. Хорошо?

– Хорошо.

– Отлично. Продолжаем занятие по геополитике. Мы остановились на том, что ни растить, ни кормить такого крокодила, какого мы тут с тобой нарисовали, никто особенно не жаждет. Ни сами немцы, ни французы с поляками, ни голландцы с чехословаками. А теперь давай представим себе, чтобы ты сделал, если бы был... русским царём.

– Почему русским?

– А посмотри-ка, на кого разинута эта пасть. Представь себе, что Польши нет. На кого?

– На Россию, – тихо проговорил мальчик.

– Верно. Так что бы ты сделал?

– Я бы...

– Накормил его? Засунул бы ему в пасть кусочек Польши, чтобы он успокоился? Посмотри, какое хорошее решение. Вот оно, прямо на поверхности.

– Наверное, поэтому оно не очень хорошее.

– Почему?

– Потому, что ты не дал мне подумать, – улыбнулся Тэдди.

– Великолепно. Видишь, Геополитика, получается, не такая уж и страшная штука, а? Ну, хорошо. Не стану тебе подсказывать. Подумай.

– Я бы... отрезал ему челюсти, – некоторое время спустя проговорил мальчик.

– Оторвал бы ему пасть. Давай называть вещи своими именами. Тут ведь нет газетчиков, репортёров, посторонних, которые могут разнести, что услышали. На советах с генералами и адмиралами нужно называть всё так, как оно называется на самом деле. В парламенте можно – и нужно – пользоваться аллегориями и метафорами. А с генералами – чётко, ясно, предметно. Оторвать пасть. Это решение очень ответственное, Тэдди. От него зависят десятки тысяч жизней – а может быть, миллионы. Ты хорошо подумал?

– Я подумал. Но, если я этого не сделаю, тогда получится, что любой немецкий кайзер или канцлер... всё равно будет хотеть накормить своего крокодила? Ведь так?

– Именно так, Тэдди. Именно так всё и обстоит на самом деле. Итак, это твоё решение. Нужно оторвать зверю пасть. Конечно, страна – это не животное, и «пасть» – это не совсем пасть, но что-то в этом, безусловно, есть, потому что семьсот лет постоянных войн для того, чтобы накормить «зверя» – это что-нибудь да значит, не так ли?

– Наверное, – Тэдди вздохнул.

– Хорошо. Предположим, решение принято – но выясняется, что в одиночку тебе не справиться. Что делать?

– Союзники, конечно, – пожал плечами Тэдди. – Британия, Франция, Чехословакия, Польша.

– Польша – нет.

– Почему?

– Польша исторически очень плохой союзник. Польшу следует принимать в расчёт, но ни в коем случае нельзя на неё надеяться. Я потом объясню подробно, почему. Пока просто запомни это. Не хочешь подумать ещё?

– Хочу, – посмотрев на Гурьева, кивнул мальчик. – Голландия и Бельгия. Да?

– А ещё? Может, подсказать?

– Нет. Не надо.

– Ладно. Я подожду, – Гурьев откинулся в кресле и сцепил руки в замок на затылке. – Не подсказка, но совет. Подними глаза от карты и подумай о Германии. О людях, живущих там.

– Шпионы!?

– Нет, Тэдди, – Гурьев снова сел прямо. – Нет. Шпионы – это... как-то это не очень хорошо, правда?

– Ну... Это... Предательство.

– А давай вспомним, что мы уже выяснили. Что кое-кто в Германии не хочет кормить крокодила. Это же совсем не обязательно хотеть, верно? Конечно, человека можно заставить это делать. Постоянно писать в газетах, например, что Германия – превыше всего, что немцы – самые правильные, самые добрые, самые справедливые люди на свете и сам Бог велел им править Европой. Можно делать это так часто и так хитро, что многих удастся убедить в этом. Но ведь мы с тобой знаем, что это не так и так быть не может. То есть верить в этот бред совершенно не обязательно, правда? И кормить крокодила поэтому – тоже.

– Нет, конечно!

– То есть среди немцев тоже должно оказаться совсем не так уж мало таких, кто не хочет кормить крокодила, – и не потому, что им лень работать, а, например, они любят своих детей и потому им не хочется, чтобы они погибли за «великий Рейх». Наверняка есть, не может быть, чтобы не было.

– Конечно, есть. Я понял, Гур. Надо найти как можно больше таких людей! И помочь им... Ну, помочь им, чтобы они объяснили другим, что всем будет лучше, если у зверя больше не будет пасти!

– Хорошо. А можно помочь кому-то из них стать политиком. Членом парламента, например. Или помочь нескольким, кто думает так, собраться и организовать. Помочь, например, им создать газету. А ещё лучше – радиостанцию. Чтобы как можно больше людей узнали, что есть другой путь к процветанию, и совсем не обязательно кормить зверя, потому что никому за семьсот лет не удалось его накормить.

– Но ведь они... Это же их земля, Германия? Они же не захотят её просто отдать?

– Нужно спокойно и честно объяснить им, что земля – это просто песок и камни. Что поклоняться песку и камням так же глупо, как звёздам или огню. Что Родина и свобода – это больше, чем земля, сложнее, многограннее. Что ради большого можно и нужно иногда суметь

поступиться малым. Что всегда есть шанс и необходимость договориться. Что это правильно, морально и честно – в первую очередь, по отношению к людям. Что песок и камни, как бы они не были хороши, не могут быть важнее людей. Их радости, их любви, их здоровья, их смеха. Их детей, которым не придётся умирать за песок и камни. У людей есть руки и головы, и они могут любые камни заставить благоухать и цвести. Кстати, почва, в которой за короткое время похоронено много мёртвых тел, становится ни для чего не пригодной. Так что поливать землю нужно водой, а не кровью, и закапывать в неё удобрения, а не трупы людей и железо. У тебя такие глаза, Тэдди, как будто ты только что сам открыл Америку без посторонней помощи.

– Это и есть – геополитика? – тихо спросил мальчик.

– Да. Тебе понравилось?

– Здорово. Особенно, когда ты так всё объясняешь.

– Правда, это совсем не так сложно?

– Ну... Это сложно, но... Это нужно. И...

– Правильно. Это очень нужно. Только не для того, чтобы писать толстые-толстые книжки, а для того, чтобы пользоваться правильными инструментами для правильных дел. Такими инструментами совсем не обязательно должны быть пушки и корабли. Это могут быть люди. Или целые народы.

– Как это – народы? Ну, человек – это я понимаю, ты же говорил, что каждым человеком можно манипулировать...

– И не обязательно во вред, – подхватил Гурьев. – Осторожно, аккуратно направлять. Не ломать, не корёжить, не насиловать волю и природу. А употреблять в нужном месте в нужное время по истинному, природному предназначению. Каждый народ имеет нечто, называемое народным характером. Есть он у англичан, есть у шотландцев, ирландцев, немцев и французов. И у русских, конечно.

– А русские – они какие, Гур?

– Это тяжёлый вопрос, – Гурьев вздохнул. – Ну, наверное, русский человек намного серьезнее относится к дружбе, к товариществу, чем всякий прочий. Потому что в истории русскому человеку плечо товарища, друга было жизненно необходимо для того, чтобы выжить. Русские всегда жили на равнинах, их никогда не защищали горы или морские просторы, как шотландцев или англичан. На этих просторах, с длинной холодной зимой и коротким жарким летом, можно выжить только вместе. Поэтому русскому человеку бывает довольно тяжело понять, где кончается он и начинается другой. Конечно, русский человек вынослив и потому бывает жесток, когда требует выносливости от кого-то. С другой стороны, он добр, но бывает, что его доброта тоже жестока оттого, что слишком основательна, идеальна. Русский человек не очень почитителен к закону, потому что князь и дружина всегда были достаточно редкими гостями на просторах его жизни. Поэтому он приучен более жить «по правде», чем «по закону». Это уже трудно понять европейцу, потому что немцу или французу до замка барона и графа – рукой подать. А у русских между городами – сотни вёрст. Россию называли когда-то Гардарикой – страной городов, потому что русские поселения – не хутора, как у викингов, а, по средневековым представлениям, самые настоящие города – с площадью, на которой собиралось вече, с сотнями домов и тысячами людей, посадами, слободами. И русские – другие. Бывает, что русский увлекается какой-то идеей, которая кажется ему очень правильной – иногда единственно правильной – и становится её яростным, восторженным приверженцем. Разочарование же бывает для него тяжким нравственным переживанием. Но русский отходчив; увлекаясь сам, он, освободившись, снисходителен к увлечениям других, ему легко представить себя таким же. Русский человек бывает безрассудно отважен, но большей частью он проявляет в бою и на войне редкое умение устраивать себе жизненное пространство и выживать. Это делает его хорошим солдатом, неприхотливым и выносливым. Но этими его качествами ни в коем случае нельзя злоупотреблять. Некоторые военачальники, ошибочно принимая непри-

хотливость и приспособляемость за бессловесное скотство, очень любили бить русских «солдатиков» по зубам и посылать под пулемёты врага без артиллерийской подготовки. Это самый лучший способ для того, чтобы русские взбунтовались и повернули штыки – потому что русские очень хорошо чувствуют, когда к ним начинают относиться, как к скотине. Но если русский чувствует уважение к себе, чувствует то, что он называет «человеческим отношением», то от него можно добиться очень многого. А вот палку русский человек не выносит. Из-под палки он отвратительно работает, ещё хуже воюет и, если не может сбежать или взбунтоваться, предпочитает умереть, но не подчиниться. Делает он это очень страшно: пьёт водку без меры, опускается, ни на что не реагирует, превращается в дикое, отвратительное животное, оскотинивается совершенно, – раз вы ко мне, как к скотине, относитесь, вот вам скотина – получите и распишитесь! И добивается, как правило, своего – погибает. Вытащить его из такого состояния удаётся очень редко. Чаще всего не удаётся вообще. Если такое происходит, то происходит повсеместно и в таких количествах, что ставит под угрозу жизнь всего государства. Это как обвал, понимаешь? Лавина. Поэтому настоящий государь должен всегда помнить об этих русских достоинствах и недостатках. И правильно ими пользоваться. Это бесполезно судить или критиковать. Это можно только знать – или не знать. Понятно?

– Да. Понятно. А ещё?

– Что «ещё»? – улыбнулся Гурьев, взъерошив Тэдди макушку.

– Ещё расскажи. Про кого-нибудь ещё.

– Не «про», Тэдди. По-русски правильно будет «о ком-то». Ну, и о ком ещё тебе рассказать?

– Не знаю. Про... О ком хочешь.

– Ну, тогда я расскажу тебе о евреях. Потому что о них очень много говорят, в том числе господа офицеры. Говорят в основном вещи, довольно далёкие от действительности. А тебе нужно знать, как всё обстоит на самом деле. Так?

– Так... А евреи и жида – это одно и то же?

– Да. В польском языке, например, или в чешском, словацком – это самое обычное слово. А вот в русском языке слово «жид» со временем стало ругательством, оскорбительной кличкой, которую произносят, когда хотят унижить, обидеть. Хотя во времена Пушкина это было трудно себе представить. Поэтому лучше всё-таки называть евреев не жидами, а евреями. Для настоящего государя нет никакой пользы в том, чтобы кто-то из его подданных на него обижался, правда? – Мальчик кивнул. – Ну, вот. Императрица Александра Феодоровна, которую я хорошо помню, имела, среди своих прочих добродетелей, одно замечательное качество. Она прекрасно понимала, что хорошо либо плохо относиться к человеку можно и должно только на основании его достоинств, недостатков и поступков, а не на основании крови, которая в нём течёт. Она понимала, что для какой-нибудь очень важной общей задачи можно и нужно объединить всех – и русских, и евреев, и ботокудов. Поэтому в Её Собственном госпитале работали не только русские и православные, но и лютеране, и магометане, и евреи, и вообще все, кто чем-нибудь мог помочь раненым русским солдатам. Среди которых, опять же, были отнюдь не только русские. Александра Феодоровна была русской государыней, и это своё предназначение осознавала. Хотя не везде и не всегда, но это уже – другая история. И к евреям, с которыми работала бок о бок, Александра Феодоровна относилась ровно так же, как ко всем остальным. Это единственное правильное отношение. Ко всем одинаково. Некоторые люди очень недовольны, что вот, например, Эйнштейн, открывший закон относительности, еврей. Или что еврей доктор Фрейд, или еврей – Ротшильд. Это есть претензия бездарности. В этом есть что-то такое жалкое, понимаешь? Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в чём-то. Способ очень простой: нужно самим делать великие открытия, быть великими учеными, банкирами, врачами и философами. Творчество, предпринимательство – это область свободы. А свобода есть испытание силы. И думать, что свобода всегда ока-

зывается хороша для евреев и плоха для не евреев – это ужасно унижительно. Так что люди, которые набрасываются на евреев за их предприимчивость и учёность, сами не замечают, что унижают таким образом вовсе не евреев, а себя, и расписываются в собственном бессилии. Ты же не считаешь себя хуже или лучше какого-нибудь мальчика, твоего ровесника, только потому, что он еврей, а ты – нет?

– Нет, конечно. Это глупость какая-то!

– Правильно. А глупость – это первый шаг к неправильному решению. Государь не может позволить себе неправильных решений, поэтому, прежде чем решение принять, он должен многое узнать и всё хорошенько взвесить. Потому что ошибки в его решениях – это ошибки в государстве. А евреи могут быть очень полезны государству, в качестве друзей и верноподданных. А в качестве врагов и разрушителей – чрезвычайно опасны. Поступать с ними государю следует одновременно справедливо и твёрдо. Это хорошо понимали русские императоры Павел Первый и Александр Освободитель, и совершенно не понимали Александр Третий и Николай Второй. Евреи почти так же терпеливы, как русские, но там, где их народному телу грозит смертельная опасность, они гораздо ранимее и, быстро объединившись, яростно защищаются. Тот государь, который не станет этого забывать, сумеет снискать их уважение и даже, возможно, любовь. У такого государя евреи будут трудиться сообразно способностям своего ума, закалённого и отточенного учением, на благо страны и своё собственное. Евреи предприимчивы и рациональны – как и воспитавшая их религия, рассуждения которой обо всех сторонах жизни очень конкретны и в то же самое время обширны, в точности, как концентрические комментарии к закону в книгах Вавилонского Талмуда. Я потом покажу тебе, как выглядит страница из этой книги, это очень поучительно и интересно. Иногда в своей предприимчивости их заносит, и это необходимо научиться видеть и предупреждать – но ни в коем случае не силой. Силу, палку еврей ненавидит так же, как русский, и никогда не подчиняется, но всегда находит способ от насилия уклониться, выскочить из-под его катка. От этого любят говорить, что евреи «изворотливы». Хороший государь, зная эти свойства и особенности евреев, всегда сумеет использовать их правильно. Тогда они будут, как ещё один бриллиант в короне. Некоторые из религиозных обычаев евреев непонятны, а их странноватый вид может показаться кому-то отталкивающим. Правда, тут, в Британии, таких евреев затруднительно увидеть, но мы с тобой скоро поедem на континент, и там они непременно нам встретятся. Но обычаи и верования многих народов могут показаться довольно странными. Например, эскимосы никогда не моются, потому что слой кожного сала предохраняет их от инфекций в условиях, когда гигиена в нашем понимании невозможна – ведь у них очень мало топлива и всё время очень холодно. С одной стороны, это довольно неприятно для европейца, но с другой – ты же не считаешь ненавидеть их за это? Государь более всех остальных обязан уметь подняться над ограниченностью обывательских суждений и увидеть суть, главное, то, что определяет направление и сулит процветание. Противодействовать природе, будь то природа земли, космических сил или человеческого духа – опасно, потому что чревато разрушением самых основ жизни. Не противодействовать, а обращать на пользу каждого в интересах всех – вот в чём высшая мудрость государя. Ты не заснул, Тэдди?

– Да ну тебя. Мне... Джейк, а почему никто так не умеет, как ты?

– Я просто стараюсь, чтобы тебе было понятно и хотя бы чуточку интересно. На самом деле хороших учителей очень много, просто они до тебя пока не добрались.

– Да-а, как же, – улыбнулся мальчик. И сделался снова серьёзным: – Джейк... А это тоже – геополитика? Про... О народах и о государе?

– Конечно. Ты быстро учишься, ты внимателен и умеешь слушать, поэтому заниматься с тобой – сплошное удовольствие. Мне это очень нравится. Но на сегодня, я думаю, достаточно. Ты подумай ещё над всем этим, а завтра мы продолжим. И мне кажется, неплохо бы тебе поделиться тем, что ты узнал, с твоей дружиной. Потому что князь должен не только бегать и пры-

гать вместе со своей дружиной, но и настраивать её на правильное понимание своей политики. Потому что дружина непременно должна понимать и разделять политику своего князя. Понимать, что определять политику – это право и обязанность князя.

– А они меня послушают?!

– Что такое?! – изумился Гурьев. – Ты – князь или не князь?!

– Князь, – кивнул мальчик.

– Обязательно послушают, – пообещал Гурьев. – Послушают, и очень внимательно. Ты напишешь сообщение для господ офицеров, мы с тобой поработаем над ним, чтобы в нём не было ненужной воды и случайных слов, и ты прочтёшь им его, как доклад. Естественно, без бумажки. Князь ведь не может говорить по бумажке, как какой-нибудь генеральный секретарь. У князя каждое слово – золото, даже не серебро. Договорились?

– Да. А как будет называться доклад?

– Ну... например, так: «О некоторых особенностях народных характеров великороссов и евреев». Как?

– Очень длинно, – покачал головой Тэдди.

– Да, ты прав, – покаянно вздохнул Гурьев. – Действительно, очень длинно и скучно, как толстая книжка о геополитике. Слушатели могут разбежаться ещё до того, как начнётся доклад. Ну, тогда ты что-нибудь предложи.

– А я уже придумал. «Бриллианты короны – какие они?»

– Хм. Немного туманно, тебе не кажется?

– Зато никто не догадается. И будет сюрприз! Представляешь?! А начну я так: основа состояния Империи – это люди, её граждане и строители. Люди – главное сокровище Империи, без которого Империя не только не имеет смысла, но и вообще невозможна. Как ты думаешь, это... годится?

– Здорово! Просто отлично. Честно!

– Правда?

– Конечно.

– Гур... А ты мог бы стать королём?

– Нет, – сделав вид, что ответ стоил ему раздумий, покачал головой Гурьев. – Никогда.

– Почему?!

– Я очень люблю сердиться, – улыбнулся Гурьев.

* * *

– Что он делает?! – шёпотом спросил Осоргин, который вместе с Матюшиным слушал этот «открытый урок» в соседней комнате. Гурьев специально, с далеко идущими намерениями, пригласил обоих офицеров. – Господи Боже, да что же это он делает такое?!

– Он лепит нам с вами Государя, Вадим Викентьевич, – почти так же тихо ответил генерал. – С заглавной буквы. Того самого Государя, которого у нас нет и который нужен нам, как воздух. Вот что он делает. И вылепит, будьте уверены. А потом встанет – и уйдёт. Всё точно так, как говорил.

– Боже мой... Каждое слово, просто каждое слово! Ведь это же записывать надо, записывать! Как – уйдёт?! Кто же ему позволит – такому – уйти?!

– Уйдёт, Вадим Викентьевич. И правильно сделает. Поступит, так сказать, единственно возможным способом, – горько вздохнул Матюшин.

– Ну, значит, я с ним уйду, – Осоргин закрыл глаза. – Без него мне никакой государь не нужен. Вот такое моё всем вам слово – офицерское слово, последнее.

– Послушайте, Вадим Викентьевич, – сердито проговорил Матюшин. – Поверьте, я прекрасно понимаю, что с вами творится, ибо сам переживаю нечто весьма похожее. Но думаю,

однако, следует всё же внять доброму совету Якова нашего свет Кирилловича и перестать воспринимать происходящее в столь откровенно мистическом и магическом ключе. И, наконец, вместо того, чтобы завывать от восторга и биться лбом об землю, – чего сии беспримерные деяния, вне всякого сомнения, заслуживают, – всё-таки начать в полную силу Якову Кирилловичу помогать. Так как именно для этого мы с вами, насколько я понимаю, сюда и приглашены!

– Призваны, ваше превосходительство, – Осоргин посмотрел на генерала и кивнул. – Призваны.

– Вот и замечательно. Так давайте-ка займёмся своими прямыми обязанностями призванных на службу солдат. Я подготовлю господ офицеров к предстоящему докладу и обговорю с ними круг возможных вопросов. А вы, если вам это не в тягость, подготовьте, пожалуйста, помещение и надлежащий реквизит.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – ухмыльнулся, козыряя генералу, Осоргин.

* * *

Тэдди волновался – кажется, это было первое в его жизни выступление на публике, да ещё перед теми, к кому он испытывал вполне понятное для мальчика уважение и даже восхищение: офицеры, почти все имевшие боевые награды и получавшие свои звания не в гарнизонах, а в битвах и сражениях с врагом, часто обладавшим многократным превосходством в живой силе и технике. «Курсанты», в свою очередь, чрезвычайно заинтригованные намёками генерала и таинственным видом кавторанга, тоже предвкушали удовольствие: кроме естественного любопытства, – как тринадцатилетний мальчик справится с ролью докладчика, это было ещё и достаточно редкое развлечение, поскольку предельно жёсткое расписание занятий курсантов «зигзагов» не предусматривало.

Наблюдая за тем, как преувеличенно-вежливое внимание на лицах мужчин, повидавших и переживших такое, чего при иных обстоятельствах хватило бы на добрый десяток жизней, сменяется неподдельным интересом и нежностью к мальчику, которого многие подсознательно воспринимали как своего собственного ребёнка, Гурьев откровенно любовался результатом своих усилий. Он знал, что «игра в дружину» кое-кому уже успела наскучить – следовало восстановить интерес и придать игре новый, куда более серьёзный, импульс.

Тэдди уложился в девять минут. Для первого раза это был отличный результат. Гурьев надеялся со временем довести регламент до двенадцати – пятнадцати, в зависимости от сложности темы, справедливо полагая, что больше не требуется. Когда взволнованный докладчик отступил от карты мира и вопросительно посмотрел на Гурьева, он чуть заметно, с явным одобрением кивнул, обозначив улыбку и приопустив веки. Генерал Матюшин поднялся и повернулся к слушателям:

– Господа, попрошу вашего внимания. По просьбе докладчика, ваш покорный слуга и Яков Кириллович окажут ему необходимую поддержку при ответах на возможные вопросы к докладу. Попрошу не стесняться, господа.

Тэдди отвечал ясно и чётко, без запинки – чувствовалось, что он полностью приноровился к ситуации и справился с волнением. Наконец, прозвучал вопрос, который Гурьев ожидал услышать – в той или иной форме, и понимал, что вопрос этот будет, конечно же, адресован не Тэдди, а ему. Майор Карташев, участник капшелевского Ледяного похода и, вероятно, первый в истории русский кавалер британского ордена «Крест Виктории»¹³, давший ему право жительства на островах, резко встал и одёрнул гимнастёрку:

¹³ Крест Виктории (Victoria Cross) – высшая боевая награда Великобритании, который со времени своего учреждения 29 января 1856 г. чеканится из бронзы российских орудий, захваченных британцами в Крыму. Предназначался для награждения офицеров и солдат военно-морского флота и сухопутных войск, совершивших какой-либо выдающийся подвиг воинской

– Вопрос к вам, Яков Кириллович, как к наставнику Андрея Вениаминовича. Поясните, пожалуйста, как следует нам, русским патриотам, относиться к евреям-сионистам?

– Ну, поскольку речь у нас идёт о евреях, то я отвечу, как это частенько в обыкновении у евреев, вопросом на вопрос, – улыбнулся Гурьев и с удовольствием увидел ожидаемые ухмылки «курсантов». – А вопрос, Георгий Аполинарьевич, будет такой: какое из двух основных блюд, сервируемых современными политически ангажированными евреями – сионизм или социализм троцкистского образца – следует, по-вашему, предпочесть русскому патриоту? Я, например, предпочитаю первое, поскольку оно является ни чем иным, как еврейским патриотизмом, и тем самым более соответствует моему патриотическому вкусу, нежели троцкизм, который стремится всех людей без различия пола и происхождения превратить в бездушные винтики чудовищной социалистической машинерии. Ну, а как русскому патриоту следует относиться к другому патриоту? К греческому? К мексиканскому? На каком основании русскому патриоту уместно было бы оспаривать право евреев на собственный патриотизм? Отличается ли русский, болгарский, китайский и все прочие патриотизмы от еврейского? Если да, то чем и насколько принципиально такое отличие? Что вы лично, например, можете сказать по поводу программы еврейского патриотического движения? Как видите, вопрос совершенно не прост и не предполагает однозначных, простых ответов. Но это ещё далеко не всё, господа. Поскольку мы с вами находимся здесь вовсе не со скуки, круг вопросов неимоверно расширяется. Вот лишь малая толика таких вопросов. Каковы интересы России в Палестине, в будущем государстве евреев, если – точнее, когда – оно там возникнет? Каким образом лучше защищать эти интересы? Сумеет ли Россия отстаивать свои интересы, находясь, допустим, в конфронтации с сионистами, которые, несомненно, будут играть определяющую роль в будущем еврейском государстве? Выгодна ли России сильная Турция у её границ? Выгодны ли России военно-воздушные и военно-морские базы в непосредственной близости от Персидского залива и Индийского океана? Выгодно ли России возможное участие в предприятии Суэцкого канала? Каковы социально-политические и демографические виды еврейского государства, если туда – представим себе такое развитие событий – в течение, скажем, двадцати лет, переберётся, при структурной и технической помощи России, около восьми миллионов русских, польских, литовских, венгерских, бессарабских и румынских евреев? Каковы виды на установление особых отношений между русской православной церковью и иерусалимским патриархатом? Следует ли империи Российской, как метафизической наследнице империи Византийской, приложить усилия к установлению своей юрисдикции над Святыми Местами и какую роль в этом случае восстановленная московская патриархия будет играть в православном мире? Я не слишком озадачил вас своими вопросами, Георгий Аполинарьевич?

По выражению лиц присутствующих убедившись в том, что отнюдь не только Карташев, но и все они не просто озадачены перспективами, затронутыми его вопросами без ответов, а озадачены более чем основательно, Гурьев перешёл в наступление. Голос его при этом звучал ровно и тихо, заставляя курсантов ловить каждое произнесённое слово:

– Настоящего русского патриота невозможно запутать, господа, ибо настоящий русский патриот всегда руководствуется в своих размышлениях интересами России. В отличие от настоящего русского идиота, каковым является, безусловно, всякий русский, ненавидящий инородцев. Русская империя никогда не была и не будет империей нации или партии, а всегда была и будет, – как говорится, даст Бог – империей смыслов. Ибо имеет, кроме самого существования, вполне определённый смысл таковой. Помнится, ещё благословенной памяти Пётр Аркадьевич Столыпин говорил – я именно потому, что русский, не могу быть ненавистником инородцев, в том числе и евреев. Это будет противно и нашей православной вере, и природе русского человека. Она добрая ко всем, снисходительная, уживчивая. Что же касается глубоко

и трепетно волнующего многих вопроса о так называемой «ответственности за богоубийство» – тут я с удовольствием предоставляю слово нашему дорогому и глубоко всеми нами уважаемому батюшке, который любезно согласился специально прояснить этот вопрос для присутствующих. Отче, прошу вас.

Священник, давно искавший повода каким-то образом восстановить тёплые отношения между собой и Гурьевым, которые несколько охладились вследствие их спора по окончании ладягинской лекции, с удовольствием ухватился за великодушно предоставленную ему Гурьевым возможность сделать это. Приглашённый на доклад и предупреждённый заранее, он с готовностью поднялся:

– Разумеется, вы, господа, понимаете, о чём пойдёт сейчас речь – а именно о бытующем среди многих православных, даже иереях, опасном и антихристианском по своей сути мнении, будто бы иудеи по собственной воле виновны в грехе предания смерти Господа нашего Иисуса Христа. Это, однако, совершенно не так. Надобно, господа, во-первых, заметить, что грех убийства не переходит по наследству. Так и грех убийства Богочеловека вовсе не перешел в виде наследственного греха на весь народ еврейский. Хотя и кричали иудеи у Креста Христова: «кровь Его на нас и на чадех наших», как указано о том в Евангелии от Матфея, в главе двадцать седьмой, стихе двадцать пятом, тем не менее, грех этот не перешел на потомков убийц. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с чинопоследованием Большого Требника, – «Како подобает приимати приходящих от жидов к правой вере христианстей». Согласно этому чинопоследованию, перед крещением приходящие от жидов должны отречься от всех лжеучений и обычаев иудейских, от всех их лжеучителей. Однако от приходящих от жидов, господа, церковь никоим образом не требует покаяния в грехе убийства Господа нашего Иисуса Христа. Это значит, что клятва, о которой сказано было выше, никак не распространилась на потомков даже тех иудеев, что кричали свои страшные слова, видя мученичество Господа нашего на Кресте. Как учит нас святитель Иоанн Златоуст – хотя они, иудеи, и неистовствовали так безумно против себя и детей, однако человеколюбивый Господь наш не подтвердил согласием Своим этого приговора не только по отношению к детям, но и по отношению к ним самим. Сие же совершенно недвусмысленно означает, что не только уверовавшие во Христа и принявшие Святое Крещение иудеи, но и упорствующие поныне в своём иудействе, виновными в грехе убийства Богочеловека признаны быть не могут и обвиняемы в том не должны быть. Таково учение и слово пастырское Матери нашей Православной Церкви в том, что касается этого сложного вопроса, – священник слегка поклонился и сел.

– Спасибо, отче, – Гурьев обвёл взглядом притихших курсантов и, кивнув, продолжил: – Я, господа мои, превосходно понимаю, что за один вечер переменить мнение, утвердившееся за годы, крайне сложно. Но я хотел бы вам напомнить, господа – человек тем и отличается от жвачного копытного, всю жизнь шастающего на водопой одной и тою же тропкою, что наделён разумом, коим ему, человеку, надлежит при всяком удобном и неудобном случае пользоваться. Мы с вами как раз в таком неудобном случае и пребываем – мы бесправные изгнанники на неласковой чужбине, и наша цель, как патриотов, вернуть себя Отечеству и Отечество – себе. И мне кажется, нам теперь будет много проще понять других изгнанников, их чаяния и устремления, и тем помочь себе, в первую очередь, лучше осознать свои собственные задачи и осмыслить способы их осуществления. Мы, как мне представляется, именно за этим здесь и собрались. А сейчас, господа, я хотел бы от всей души – от своего имени и от имени Андрея Вениаминовича – поблагодарить вас за благосклонные внимание и терпение и пригласить вас на следующий доклад, который Андрей Вениаминович при помощи и поддержке его превосходительства генерала Матюшина любезно согласился нам с вами представить ровно через две недели. Темой доклада станет тактика государственного переворота под руководством товарища Бронштейна-Троцкого в Петрограде в октябре семнадцатого. Тактика чрезвычайно дерзкая и совершенно научная, потому, я думаю, вам, как людям военным, будет весьма интересно

с нею ознакомиться. Надеюсь, таковые доклады на всевозможные военно-политические темы станут в нашем собрании со временем доброй традицией. Приятного отдыха, господа!

Когда офицеры, закуривая и переговариваясь, разошлись, а Матюшин и Осоргин принялись помогать Тэдди сворачивать карту, священник приблизился к Гурьеву:

– Могу ли я рассчитывать, что возникшее между нами недоразумение прекращено, Яков Кириллович?

– Да какое там ещё недоразумение, что вы такое говорите, отче, – широко улыбнулся Гурьев, протягивая священнику руку. – Это я совершенно утратил самоконтроль и наговорил неведомо чего, так что не вам, а мне впору прощения просить. Спасибо вам за выступление, вы меня не просто выручили, а... – Гурьев вздохнул и, закатив глаза, покачал головой.

– Ох, и артист же вы, Яков Кириллович, – грустно улыбнулся отец Даниил, пожимая протянутую ладонь. – Тем не менее, прошу вас на меня ни в коем случае не сердиться, если такое возможно. Я ведь...

Священник, не выпуская руки Гурьева из своей, чуть наклонился к нему, заглядывая снизу в глаза, – отец Даниил принадлежал к числу очень немногих, кто не боялся этого делать, – и тихо проговорил:

– Что бы там ни было, Яков Кириллович, только об одном вас прошу: оставайтесь, Бога ради, человеком. Никакие идеи, никакие царства даже одного-единственного расчеловечивания человека не стоят. Ради этого мальчика, ради женщины, которую, как я прекрасно вижу, вы всею душою полюбили – прошу вас, помните о том, о чём нас Господь наш даже на Кресте заклинал: оставайтесь, пожалуйста, людьми. Слышите?!

– Слышу, отче, – Гурьев с силой ответил на рукопожатие. – Слышу. И честно вам обещаю – я попробую.

Лондон. Август 1934 г.

Гурьев подошёл к скамейке, где сидел, ожидая его, «гонец» от Городецкого, с которым удалось установить – восстановить – надёжную связь, и вежливо осведомился:

– Я не помешаю?

– Нет, что вы, – с готовностью откликнулся сидящий. – Прошу вас.

По скупой, экономной мимике «гонца», хорошо маскирующей для посторонних его истинные намерения и ощущения, Гурьев понял, что узнал. И с удовлетворением отметил – Варяг хорошо владеет искусством подбора кадров: «гонец» обладал ничем не примечательной внешностью, был одет подчёркнуто стандартно, хотя со вкусом и знанием предмета. Гурьев достал портсигар, вытянул папиросу и предложил «гонцу»:

– Курите.

– Благодарю покорно.

Условная фраза соответствовала. Далее, как тоже было условлено, «гонец» обмял гильзу – тем самым способом, каким когда-то проделывал это Вавилов – и сказал, поворачиваясь к Гурьеву:

– Здравствуйте, товарищ Наставник. Рад вас видеть.

– Взаимно, – Гурьев достал папиросу и себе. Закурив и с силой выпустив дым через ноздри, кивнул: – Я вас внимательно слушаю.

– Товарищ Варяг просил кланяться – всё ваши подарки он получил. Велел передать, что слов, какими можно его благодарность и признательность передать, ни в одном языке не существует.

– Вот так и велел?

– Так и велел, товарищ Наставник. И ещё – отдельное спасибо за Петра Леонидовича. Товарищ Варяг его принял, они всё решили к обоюдному согласию. Сейчас они составляют план работы. Сами понимаете, там – просто море разливанное дел.

– Понимаю. Так он не вернётся?

– Нет. Это невозможно.

– Жаль.

– Вы можете не менее успешно сотрудничать с Гамовым. Он отличный специалист.

– Ну, ладно. Спасибо за подсказку. Ещё что?

– Товарищ Варяг просил передать буквально следующее: ваше отсутствие, товарищ Наставник, становится просто непереносимым.

– Передайте Варягу, что целый ряд задач с наивысшим приоритетом требуют моего присутствия здесь и сейчас. Одной из таких задач является моё личное душевное равновесие и психофизиологическая адекватность. Запомнили?

– Так точно, товарищ Наставник, – от Гурьева не смогло укрыться удивление, прозвучавшее в голосе «гонца».

Я сам буду решать, когда и где требуется моё присутствие. И определять как сроки, так и формат присутствия буду тоже я сам. Надеюсь, Сан Саныч, ты это поймёшь, подумал Гурьев. Тебе придётся научиться понимать меня с полуслова. Или не понимать совсем.

– Пожалуйста, передайте именно это – слово в слово. Это важно.

– Будет исполнено, товарищ Наставник. Не извольте волноваться.

– Хорошо. Теперь вот что. У меня есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать товарищу из Коминтерна.

– Задавайте, товарищ Наставник. Никаких возражений с нашей стороны нет и не будет.

– Мне бы не хотелось тратить время на подходы к нему, у вас, вероятно, имеются о нём достоверные сведения.

– Вы получите их немедленно, как только это будет возможно. Способ связи стандартный.
– Спасибо. Может, однако, оказаться, что мои вопросы произведут на него неизгладимое впечатление.

– На ваше усмотрение, товарищ Наставник.

Щедро, подумал Гурьев. Щедро. Покупаешь меня, Варяг?

– Мне бы не хотелось, чтобы у Варяга возникли в связи с этим какие-нибудь сложности.

– Не волнуйтесь, товарищ Наставник. У товарища Варяга не будет никаких неприятностей.

– Хорошо. Тогда мне нужны те самые материалы по коллективизации и подавлению рабочего и профсоюзного движения, с которыми я уже частично ознакомился. Я не хочу отбрасывать людей, которые могут нам серьёзно пригодиться. И побольше фотодокументов, если это возможно.

– Будет сделано, товарищ Наставник.

– Мне кажется, вы как-то излишне налегаете на слово «товарищ», – улыбнулся Гурьев.

– Прошу прощения. Привычка.

– Избавляйтесь, – на этот раз голос Гурьева прозвучал резко, как пощёчина.

– Слушаюсь. Господин Наставник.

– Вот. Это лучше, – он снова улыбнулся и добавил мягко, обезоруживающе: – Не обижайтесь. Слово «товарищ» очень хорошее. Правильное, нужное слово. Но от чрезмерного употребления стирается и выцветает. «Господин» же совершенно нейтрально и ни к чему никого не обязывает. У вас есть какие-то просьбы, личные дела? Если нужны деньги, не стесняйтесь. Я понимаю – с валютой у Варяга не так хорошо обстоят дела, как хотелось бы. А я совершенно свободен в средствах.

– Спасибо, господин Наставник. Не беспокойтесь, я полностью обеспечен всем необходимым.

– Ну, тогда – не смею задерживать. Берегите себя и привет Варягу. От товарища, – Гурьев наклонил голову к левому плечу и улыбнулся.

Мероув Парк. Август 1934 г.

Гурьеву давно уже не давала покоя мысль о кольце. Интуиция прямо-таки вопила: найди его! Найди! Сделай хоть что-нибудь! Он поделился своими соображениями с Ладягиным, который сразу же высказал удивительно простую и здравую мысль, – Гурьев даже удивился, отчего она не пришла ему в голову без посторонней помощи:

– А почему бы вам не изготовить парочку копий, Яков Кириллович? Можно было бы, имея их перед глазами, что-нибудь интересное себе вообразить.

– Всё-таки я начинаю хотя и медленно, но верно осознавать разницу между гением и эрудитом, – вздохнул Гурьев. – Набитая сведениями голова – это одно, а способность расположить в нужном порядке знания и умения, пусть даже вовсе и не всеобъемлющие – это нечто совершенно иное. Как я вам завидую, Владимир Иванович, вы бы только знали!

– А мне кажется, ничего особенно сложного в этом нет, – возразил Ладягин. – Я ведь, решая задачу, думая над усовершенствованиями той или иной идеи, мыслю по определённому методу, алгоритму. Нужно просто этот алгоритм чётко определить и расписать по шагам. Вот и получится, что каждый, кто захочет, сможет изобрести что-то, о чём размышляет. Да ведь и у вас всё точно так же происходит. Просто времени как следует подумать об этом не находится.

– Вы думайте, Владимир Иванович, думайте, – согласился Гурьев. – Думайте – а остальное мы вам обеспечим. Средства, производственный потенциал. А изобретения, творчество – это не по моей части. Вот и мысль о возможности выработки теории изобретательства отнюдь для меня неочевидна. А ведь вы, безусловно, правы – возможен и метод, и алгоритм, особенно в том, что касается техники.

– Ну-ну, не скромничайте, – Ладягин посмотрел на Гурьева и хмыкнул. – А признайтесь, одному было бы скучно делать всё на свете?

– Ещё бы, – Гурьев покладисто кивнул.

Ни простые торговцы, ни золотокузнецы-скороделы его не интересовали. Не откладывая реализацию ладягинской идеи в долгий ящик, Гурьев обратился к Рэйчел и получил – как всегда – точный совет и не менее точную исчерпывающую характеристику:

– Милрайс. Один из старейших домов, ему никак не меньше полутора столетий. Это на Хаттон Гарденс, совсем рядом с Марбл Арч. Ты легко отыщешь его. Не только ювелир, но и настоящий часовых дел мастер. Конечно же, он немного сумасшедший, но исключительно добрый и порядочный человек. По-моему, он легко нашёл бы общий язык с Владимиром Ивановичем. Мистер Джереми Милрайс – совершенно чудный старик, и тебе он непременно понравится.

– Я могу на тебя сослаться?

– Конечно! Только вряд ли он меня запомнил, – вздохнула Рэйчел.

Не может же он быть настолько сумасшедшим, чтобы не запомнить тебя, Рэйчел, подумал Гурьев. И меня, чёрт возьми, это радует.

* * *

При взгляде на Джереми Милрайса у Гурьева возникли некоторые подозрения – уж больно характерной внешностью обладал ювелир. Когда Гурьев отрекомендовался знакомым графини Дэйнборо, эффект превзошёл его самые смелые ожидания. Старикан подозрительно уставился на него горящими чёрными глазами, воинственно выставил вперёд бородку и грозно осведомился:

– И давно?!

Пришлось Гурьеву пустить в ход всё свое обаяние, навыки вербовки сторонников и искусство владения намёками и недоговоренностями, чтобы убедить ювелира в своих добрых намерениях – и в отношении Рэйчел, и вообще. Это возымело нужное действие, и Милрайс сменил гнев на милость. Правда, выразилось это весьма своеобразно. Оказалось, что ювелир в курсе происходящих событий и, сумев сделать из них собственные далеко идущие выводы, он тут же набросился на Гурьева:

– Эх, юноша. Как же вы могли допустить такое безобразие?!

– Никто не идеален, мистер Милрайс. Но я принял меры к тому, чтобы это не могло повториться. А кстати, откуда такая замечательная фамилия? Похожа на сефардскую. Не имеет, случайно, отношения к португальской валюте ¹⁴?

– А вы откуда знаете?! Вы что, еврей?!? – изумился Милрайс.

– Самую чуточку, – улыбнулся Гурьев. – Тоже обожаю задавать вопросы вместо того, чтобы на них отвечать.

– Ну, если только в этом смысле, – успокоился старик. – А вообще запомните, юноша: евреем нельзя быть «чуточку» – или да, или нет! Поверьте, это гораздо хуже, чем беременность. Ребёнок родится и оставит мамочку саму себе, а еврей внутри вас – сдохнет, но не отпустит! Уж поверьте, я это отлично знаю.

Что-то в этом есть, подумал Гурьев. Но, желая закрепить достигнутый в охмурении ювелира успех, он возразил:

– Не скажите. Некоторые умудряются выдавить из себя еврея без остатка.

– Это вы о Ротшильде, что ли?! – опять взвился Милрайс. – Разве можно с такими людьми вести дела?!

– А вы не ведёте?

– Никогда не вёл и не собираюсь, – отрезал ювелир. – Приходил тут один из его молодчиков года полтора назад. Разумеется, я его взашей вытолкал. Они думают, если я еврей, так я обязан вылизывать пятки Ротшильда оттого, что его прадед тоже, оказывается, был когда-то евреем!

Вот это да, подумал Гурьев, чувствуя знакомый запах – если не удачи, то серы. Как всё интересно складывается-то.

– А ваш?

– Что?!

– А ваш прадед?

– Мои предки были ювелирами и часовщиками при дворе уже тогда, когда дедушка первого Ротшильда мальчишкой воровал у старьевщиков латунные побрякушки! – рявкнул Милрайс. – Да пусть только посмеет кто-нибудь равнять меня с этими жуликами! Ноги моей не будет в той синагоге, куда хоть раз в жизни заглянул один из этих полувыкрестов!

– Интересно, – улыбнулся Гурьев. – Чем это так вам не угодил мистер Ротшильд? Не богатству же его вы завидуете.

– Богатство?! Богатство – от слова «Бог»! Кто этого не понимает – идиот!

– Думаете, Ротшильд не понимает?

– Да конечно же, нет. Если Бог даёт еврею богатство – это не просто так, юноша. А если еврей таких вещей не понимает – пусть крестится к чёртовой матери, вот что я вам скажу! Каким жутким идиотом должен быть еврей, который утверждает, что евреям незачем думать о Иерусалиме?!

– А зачем евреям думать о Иерусалиме? – Гурьев поудобнее устроился в кресле. – Расскажите мне, мистер Милрайс. Это меня страшно интересует.

¹⁴ Мильрейс – денежная единица Португалии до 1910 г.

– Зачем?! Я вот вам скажу, зачем. Конечно, если вы не еврей – откуда вам знать даже такие до смешного простые вещи!? Две тысячи лет, мистер Гур, евреи мечтали о Иерусалиме. Это делало их евреями и помогало оставаться ими – две тысячи лет. А потом приходит этот, как говорят ашкеназы, поц – и заявляет: я лучше знаю, о чём следует думать или не думать евреям, о чём им мечтать и на что надеяться. Почему?! Оказывается, потому, что он – Ротшильд и у него есть какие-то там деньги! Так я вам скажу по секрету, мистер Гур: пусть он катится к чёрту – вместе со своими деньгами! Конечно, не все Ротшильды – такие мерзавцы. Был всё-таки один нормальный. В семье, знаете, не без уроды!

Извивы талмудической логики Милрайса откровенно забавляли Гурьева, хотя он и понимал, что ничего смешного в словах ювелира на самом деле нет.

– Так вы – сионист, мистер Милрайс?

– Да какой же из меня сионист, юноша?! Сионисты – это ваши ровесники, а мне сионизм – одна головная боль. Но еврей без Иерусалима – это не еврей. А сионисты это понимают. И я понимаю. Наверное, я сионист, хотя своего сионизма я уж точно не переживу... Слушайте, а зачем вам всё это?!

– Интересно, – пожал плечами Гурьев. – Знаете, вы необыкновенно напоминаете мне моего деда, мистер Милрайс. Хотя он был не сефардом, а ашкеназом. И, конечно, точно таким же, как вы, сионистом.

– Ага. Ну, я должен был сразу понять – если вы знаете, кто такие ашкеназы и сефарды...

– Я даже знаю, что такое «поц», – улыбнулся Гурьев.

– А графиня? Она знает?! – уставился на него ювелир.

– Что? Как переводится на английский слово «поц»?

– Не путайте меня! Про деда!

– Конечно, – пожал плечами Гурьев. – Мой дед не был большим праведником, но он был человеком слова. По-моему, достаточный повод помнить о нём и хорошо к нему относиться.

– Так значит, эта девочка ещё лучше, чем я сначала решил, – вздохнул ювелир и покачал головой. – Эх, юноша... Или вы – великий артист, или... Или мне можно вам поверить. Отчего-то мне кажется, что вас не интересуют пятипроцентные скидки...

– Совершенно не интересуют, мистер Милрайс. Торговаться я не обучен, хотя дедушка делал это виртуозно. А что, для евреев у вас специальные скидки предусмотрены?

– Да прямо! – рассердился ювелир. – При повторном заказе больше ста фунтов – пять, больше пятисот – десять процентов! Но только так – и всё! Гои, евреи, марсиане – идите все к чёрту! ваша графиня однажды чинила у меня часы своего дворцового – подарок старого графа! А, вы ни черта не знаете... Это был настоящий Бреге с турбийоном из второй серии ¹⁵! Вы понимаете, что это значит?! Вы понимаете, сколько стоит такая работа?!? Она говорит, – он так ими гордится! Вы можете их починить? Могу ли я их починить?!? Что за идиот! Как можно сломать в таких часах турбийон – скажите мне, как?!? Я вам сам скажу, как! Нужно хорошенько закрепить их на своём дурацком котелке для овсянки – а потом разбежаться и со всего маху врезаться им в стену какого-нибудь их дурацкого замка потолще!!! Что вы улыбаетесь?! Вы понимаете, я ревел, как последний идиот, когда она ушла от меня со своими дурацкими часами?!? Женитесь на ней – или вы идиот ещё хуже меня!!!

– Я подумаю, – вздохнул Гурьев.

– Нет, вы посмотрите только на него – он подумает!!! Ещё один хахам гадоль ¹⁶! Когда надо думать – его нет! А когда надо хватать и бежать – он думает! Что вы смеётесь?! Что такого смешного в моих словах?!

¹⁵ Часы Бреге с турбийоном, выпущенные в период с 1803 по 1815 гг.

¹⁶ Хахам гадоль (*иврит*) – великий мудрец.

Ну, вот – а ты сомневалась, что старик тебя запомнил, Рэйчел, подумал Гурьев, без всякого стеснения наслаждаясь происходящим. Ты всё-таки должна была предупредить меня, Рэйчел. Обязана была предупредить – по-настоящему. Совсем не так, как ты это сделала. Но я знаю, что тебе просто даже в голову это не пришло, моя Рэйчел. И не могло прийти – уж такая ты есть, моя Рэйчел. Он прав, моя Рэйчел. И сам не подозревает, насколько.

– Ничего, – продолжая улыбаться, заверил старика Гурьев. – Совершенно ничего, уверяю вас, мистер Милрайс. Я чувствую себя совершенно дома, и меня это радует.

– Сварить вам кофе? – проворчал ювелир. – Будете совсем как дома. Между прочим, в этой стране никто не умеет лучше меня чинить часы и варить настоящий тунисский кофе. Это же англичане. Они могут только выгонять из него пену. Ничего не понимают совершенно – а тем более, как надо варить кофе. Хотите?

– Хочу, – кивнул Гурьев. Наверное, Бог иногда всё-таки заглядывает на Землю, решил он. Ну, редко, конечно, и так – одним глазком. Но... – Очень хочу. Спасибо. Можно задать вам вопрос?

– Ну, задайте.

– Тот молодчик от Ротшильда, – вам не захотелось узнать, зачем он приходил?

– Затем же, за чем и все остальные ко мне приходят. Вы вот, например, – зачем? – Милрайс вдруг уставился на Гурьева: – А что, это как-то связано?!?

– Что?

– Графиня?! И Ротшильд?!

– Связано, – заявил Гурьев, не испытывая ни малейших угрызений совести по поводу своих умозаключений и стремления познакомить с ними ювелира. – Связано. Не знаю, как, но знаю, что связано.

Милрайс горько вздохнул и поднялся:

– Посидите, это недолго – кофе сварить.

Когда старик вернулся с двумя высокими чашками кофе, запах которого мог сбить с коня самого Салах-ад-дина, Гурьев достал изображение кольца и положил перед ювелиром:

– Хотелось бы стать счастливым обладателем хорошей копии.

Милрайс не спеша отхлебнул кофе, аккуратно поставил чашку обратно на поднос и извлёк из кармана своего необъятного жилета лупу. Он долго разглядывал рисунок, потом чуть отодвинул его в сторону. Подняв на Гурьева взгляд, сказал с ноткой уважения в голосе:

– Очень подробный рисунок. А что же, оригинала нет? Утерян?

– Украден, мистер Милрайс, – вздохнул Гурьев.

– Ага, – кивнул старик. – Хорошо, что сообразили зарисовать. Такие вещи, юноша, надо хранить, как зеницу ока, и если кому и показывать, так только в виде рисунков и фотографий.

– Каких – таких?

– Это итальянская работа, пятнадцатый век, самое позднее – начало шестнадцатого. Авторского клейма не вижу. Значит, это кто-то очень известный. Не исключено, что и сам Челлини.

– Да, мне говорили об этом.

– Ага, – повторил ювелир, снова с интересом посмотрев на Гурьева. – Вот этот узел конструкции мне не очень понятен, – Милрайс обвёл ногтем место под «короной». – И огранку художник изобразил, прямо скажем, схематично. Для ювелира, конечно...

– Я могу переизобразить для вас более подробно, если вы находите это важным, – улыбнулся Гурьев. – Я понимаю, что камень является центральным элементом, но не думал, что для сыщиков, на которых это изначально было рассчитано, детали огранки имеют большое значение.

– А как же тогда?!.

– Ничего, я по памяти, – скромно потупился Гурьев.

– Давайте, – без всякой паузы согласился ювелир. – Что вам нужно? Бумага, грифель – какой твёрдости?

– «НВ» будет в самый раз, – предположил Гурьев.

– Идёмте внутрь, здесь неудобно. Нет, погодите.

Старик направился к двери в магазин и решительно вывесил на ней табличку «CLOSED».

Пока Гурьев рисовал, Милрайс сидел рядом, как пришпиленный, не отрывая взгляда от бумаги, на которой постепенно возникало изображение огранённого камня. Несмотря на то, что Гурьев был совершенно уверен в своей зрительной памяти, некоторые замечания ювелира оказались более чем кстати. Заодно Гурьев попытался изобразить и сомнительный узел «короны».

– Очень хорошо, – произнёс ювелир, аккуратно складывая результаты гурьевских усилий. – Зайдите через десять дней. Камня я, конечно, так быстро не найду, да и стоять он будет целое состояние. Кроме того, судя по огранке, она имела целью выявить какие-то детали структуры, которые невозможно с уверенностью повторить, даже если исходный изумруд будет нужной чистоты и размера. Трудность ещё и в том, что самые незначительные примеси могут играть совершенно уникальную роль – неповторимую в самом прямом смысле этого слова. Я сделаю страз. В общем, десять дней.

– А нельзя как-нибудь пораньше, мистер Милрайс? Я готов компенсировать даже неустойки по срочным заказам, если это важно.

– Эх, молодёжь, – горько вздохнул ювелир. – Учить вас ещё и учить. Запомните, юноша: деньги – говно. Единственное, что ценно – это слово мастера. Если уж вам трудно такое понять, постарайтесь для начала хотя бы просто запомнить!

– Извините, – не на шутку смутившись, пробормотал Гурьев. – Я постараюсь.

– Ладно, ладно, – тронутый его искренностью, буркнул Милрайс. – Кланяйтесь за меня графине. Пусть выздоравливает поскорей. Может, я ещё успею порадовать её какими-нибудь мелочами, которые так любят все женщины на свете... Этот старый дурак, её дворецкий – он ещё не помер, не дай Бог?!

– Старина Джарвис в полном порядке, мистер Милрайс.

– Ну, так передайте этому идиоту: если он ещё раз сломает мне эти часы своей хозяйке, я тоже сломаю ему шею!

* * *

Удивление Гурьева было искренним и неподдельным, когда Милрайс ровно через десять дней выложил перед ним на заботливо подстеленную бархатную салфетку не одно кольцо, а два:

– Смотрите сюда, юноша, – ювелир взял первое кольцо. – Вот это я сделал сначала. Потом я подумал немного, и сделал вот это, – он указал на второй экземпляр. – Посмотрите внимательно. Отличия видите?

Гурьев, всё ещё находясь под впечатлением от великолепной работы и охваченный так некстати нахлынувшими воспоминаниями, медленно покачал головой.

– Ну, молодёжь, – опечалился старик. – Смотрите. Показываю медленно, специально для тех, кто туго соображает!

Приведённая в движение его пальцами, «корона» кольца повернулась сначала на девяносто градусов в горизонтальной, а потом – в вертикальной плоскости. Вполне удовлетворённый зрелищем приподнятой вверх правой гурьевской брови, Милрайс энергично закивал:

– Вот так. Тот самый узел, который с самого начала меня насторожил. Причём я могу вас заверить, юноша – механизм вращения восстановлен мною исключительно топорно. В оригинале, скорее всего, работа его обеспечивалась рубиновыми подшипниками. Тот, кто делал

кольцо, додумался до этого чуть ли не на два века раньше швейцарцев! И, в отличие от моей жалкой поделки, оригинал был абсолютно надёжен.

– И зачем же? – рассматривая кольцо, произнёс Гурьев. – Резервуар для яда?

– Чепуха! – безапелляционно заявил ювелир. – Это ключ. Ключ! Больше это просто ничем не может быть! Если вы дадите мне ещё месяц, я попытаюсь сделать копию именно такой, какой она являлась в соответствии с замыслом. Денег возьму только за материалы!

– Конечно, хочу, – ослепительно улыбнулся Гурьев. – А заплачу я вам, мистер Милрайс, вдвое против прежнего – и с такой охотой, с какой мало кому другому бы заплатил. И не вздумайте отказываться, потому что я найду способ сделать по-своему в любом случае.

– Упрямый, – констатировал ювелир. – Будь по-вашему. Отчего-то вы мне нравитесь. Как поживает графиня?

– Неплохо, – продолжая улыбаться, сказал Гурьев. – У меня к вам будет ещё одна просьба, мистер Милрайс. Если вам кто-нибудь ещё покажет рисунок, похожий на этот – или фотографию, – обещайте этому человеку золотые горы и позвоните мне. А если меня не будет на месте – передайте графине. Она обо всём полностью осведомлена.

– Ага, – кивнул ювелир. – Не сомневайтесь. Надеюсь, вы хорошенько переломаете этим сволочам все ноги, когда доберётесь до них. От всей души желал бы узнать, что вам это удалось. А если они ещё как-то замешаны в том, что случилось с бедняжкой графиней – может быть, пригласите меня поучаствовать? У меня есть такой здоровенный револьвер...

– А я что делаю?! – усмехнулся Гурьев, протягивая ювелиру ладонь и с удовольствием наблюдая, как в бороде старика расцветает счастливая мальчишеская улыбка.

* * *

– Какая чудесная вещь, – вздохнула Рэйчел, передавая кольцо Ладягину, и посмотрела на Гурьева. – Рисунок – это рисунок, а когда видишь его, почти совершенно как настоящее... Правда, как хорошо, что мы обратились к Милрайсу! Я знала – тебе легко удастся втереться к нему в доверие. Я же говорила – он очень славный старик. И очень добрый.

Ладягин, совершенно забыв о кольце, уставился на Рэйчел. Ну да, подумал Гурьев. И что характерно: чем славнее старики, – а также все остальные, включая птиц и зверей, – тем быстрее они понимают, Рэйчел. И готовы – за тебя, за твою улыбку – Бог знает на что. А вот что касается *иных*...

– Почему вы так на меня смотрите? – нахмурилась Рэйчел, переводя взгляд с Гурьева на Ладягина и обратно. – В чём дело?

– А какого-нибудь противного старика вы знаете, сударыня? – осторожно спросил Ладягин. – Хотя бы одного какого-нибудь, завалищего?

– Ну, конечно же, знаю. Но не могу же я на всех так смотреть всё время, как Джейк. Людям надо чаще улыбаться – и они когда-нибудь обязательно улыбнутся в ответ, – и Рэйчел подкрепила свой теоретический постулат наглядной практической демонстрацией, от которой Ладягин начал рассупониваться прямо на глазах.

Чтобы прервать этот процесс до того, как он станет необратимым, Гурьев подвинулся поближе к инженеру:

– Так что же вы скажете, Владимир Иванович?

– Похоже, он прав, этот ваш ювелир... – встряхнулся оружейник, с усилием переключаясь. – Да... Ключ. Интересный же должен быть, скажу я вам, замочек, Яков Кириллович! Челлини, Флоренция... Возрождение... Интересно, очень интересно!

– Но почему такой дорогой камень? Не понимаю. Сам камень является уже достаточным поводом для возбуждения алчности. Неужели нельзя было сделать что-нибудь менее яркое?

– Кто знает, для кого на самом деле предназначалось кольцо, – задумчиво произнёс Ладягин. – Изумруд... Огранка... Погодите!

– Что?

– Оптика!!! – Ладягин вскочил. – Ну, разумеется! Яков Кириллович! Оптика! Замок наверняка имеет оптическую рабочую часть!

– И как вы себе это представляете, Владимир Иванович?!

– Пока никак, – немного сник Ладягин. – И боюсь, вряд ли смогу когда-либо представить. Но пофантазировать, конечно, можно...

– Стоит ли?

– Стоит, – хотя бы затем, чтобы примерно представить себе размеры объекта, который содержит замок. Это наверняка что-нибудь достаточно большое. Возможно, неподвижное. Больше пока не скажу.

– Ну, и достаточно, – решил Гурьев. – В конце концов, у вас и без того – дел невпроворот. Как только разберёмся с Пиренеями – займусь вплотную любопытным господином, проявляющим такой странный интерес к тем же самым людям и предметам, что крайне интересуют меня самого!

Мероув Парк. Сентябрь 1934 г.

Иосида сделался теперь частым гостем в поместье, – Гурьев смиренно постигал всевозможные тонкости чайной церемонии, великим мастером которой был Иосида.

А Иосида – спрашивал.

– Скажите, Гуро-сама. Я много лет изучал историю западных стран, и Россия занимает значительное место в моих интересах. Конечно, Русская Империя значительно моложе Ямато, но всё же она очень древняя. И она не распалась, даже с приходом к власти большевиков. Я хотел бы узнать секрет, если он существует.

– Он существует, хотя это и никакой не секрет, Сигэру-сама. Это, скорее, можно назвать рецептом. Да, вы правы, Русская Империя очень древняя, древнейшая из всех прочих западных империй настоящего времени. И она действительно всё ещё жива. И будет жива, пока сохраняет тот самый рецепт и следует ему день за днём. Он прост. Царский Род – не династия, а именно род, не следует путать эти понятия, – лежит в основе Русской Империи, являясь её стержнем, нисходящим на землю прямо с небес, отражая и являя собой образец универсального мироустройства. Да, сейчас – пока – Царя нет. Он не явился ещё, после того, как пресеклась так трагически прежняя династия. Смена династий всегда сопряжена со смутой. Смута может быть долгой, но не будет вечной. Это первое. Но этого – одного – мало. Другим столпом Империи является народ. Русские, Сигэру-сама. В русском языке, в противоположность японскому или английскому, русский – не имя собственное, но имя прилагательное. На просторах России живут множество людей. Но все они, к какой бы расе не принадлежали, являются русскими, поддерживающие собой и одновременно опирающиеся на тот самый Царский Род, мой дорогой друг. Третий столпом империи русских становится вера в то, что такое устройство жизни для них, русских – единственно правильное и возможное. А скрепляется всё это вот чем.

Гурьев чуть опустил веки и продекламировал:

– Пусть другие тоньше выкуют дышащую бронзу, Живым выведут облик из мрамора, Лучше будут говорить речи, и движенье небес искусней вычислят, И предскажут светил восходы, – Ты же, римлянин, помни: державно править народами – В этом искусство твое! – налаживать условия мира, Милость покорным являть и смирять войною надменных...

Он пригубил ароматный, восхитительно вкусный напиток:

– Самый многочисленный среди русских народов – собственно русские, Сигэру-сама. Они, как не раз и не два отмечали с изумлением многие, одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить со всякими другими племенами. Зависть, враждебность, недоброжелательство к иноплеменникам не в характере обыкновенного русского человека. Это хорошая, очень хорошая черта, несомненный залог величия и спокойствия империи русских. Конечно, случалось, случается, и будет случаться всякое. Но тот тупой, пещерно-местечковый национализм, столь характерный для германцев или французов, для которых собственная кровь, вера и культура абсолютно, законченно самоценны, русским людям чужд, а то и вовсе противен. Все народы империи русских равны и равно заслуживают поддержки и наказания. Так мыслит всякий русский, Сигэру-сама, и это не столько даже в мозгу – в крови. Именно таким образом мысли и действий приобретается то самое священное право – по воле Царского Рода державно править народами. Народы Российской Империи всегда находились – и будут находиться – в самых сложных отношениях друг с другом. Они ссорятся, враждуют, копят обиды и счёты. Отрицать это способен только глупец и невежда. Но они знают, всегда знали – русские судят без гнева и пристрастия. Они могут ошибаться, – а как же иначе?! Ведь русские – всего лишь люди. Они могут лишать своей властью чего-то очень важного. Или того, что кажется сейчас важным, не являясь таковым на самом деле. Но русские никогда – слышите,

Сигэру-сама, никогда! – не встанут на сторону врага только потому, что враг им больше нравится.

Гурьев поставил чашку с почти остывшим чаем на поднос и вдруг стремительно наклонился вперёд, к Иосиде:

– А теперь я открою вам настоящий секрет, Сигэру-сама. Если народ Ямато сумеет понять и принять этот рецепт, применить его к себе, империя Ямато станет не просто великой. Она станет вечной. И восходящее солнце на её знамени будет светить сквозь века бесконечным поколениям благородных воинов-самураев, стоящих на страже её благополучия.

– Позволено ли мне будет передать ваши слова моему божественному Тэнно, Гуро-сама?

– Разумеется, друг мой, разумеется, – Гурьев улыбнулся, священнодействуя над чашкой с новой порцией матча ¹⁷ и аккуратно взбивая ароматную смесь чясэном ¹⁸. – Мы, русские, не делаем секрета из принципов нашего могущества, Сигэру-сама. Вовсе нет. Мы, русские, не жаждем никого раздавить и подмять. Наоборот – мы хотим уважать своих соседей и жить с ними в прочном, нерушимом мире, мой друг. Сейчас моей Родине нездоровится, Сигэру-сама. Но что значат какие-то два или три десятилетия – рядом с вечностью? Не правда ли?

– Да, мой дорогой Гуро-сама. Конечно, – Иосида принял из рук Гурьева чашку с чаем, осторожно придерживая обнимающую её кобукуси ¹⁹. – Минуты, проведённые в беседах с вами, Гуро-сама, – наиболее драгоценные минуты моей жизни. Слушая вас, впитывая ваши слова не только ушами, но всей душой, всем сердцем, я начинаю постигать всю мудрость вашего великого народа, с тем, чтобы как можно лучше служить моему народу и моему Тэнно. У меня никогда не найдётся достаточно слов, чтобы выразить вам, Гуро-сама, переполняющую меня благодарность за то, что вы так бесконечно щедры со мной...

– О, вы так великодушны, Сигэру-сама, – поклонился Гурьев. – Я всего лишь старательный ученик своего учителя, Нисиро-о-сэнсэя, да пребудет с нами сила его великого духа.

– Вы – лучший из учеников, Гуро-сама, – почтительно улыбнулся Иосида. – Ваш чай совершенен, мой дорогой, любезный друг.

Откуда он знает, подумал Иосида. О, боги... Удивительные, непостижимые люди, дети невероятной, поразительной страны. Испытания, обрушившиеся, как молот богов, создали на наковальне России меч, затмевающий своим сиянием все остальные клинки, – Гуро-сама. Да, он без сомнения, лучший. А что, если он – всего-навсего первый?! Мудрость божественного Тэнно безмерна. Он сразу же понял всё, стоило мне только начать говорить... Тэнно хэйко банзай!

* * *

В свой следующий визит Иосида принёс Гурьеву текст, в котором почти с абсолютной точностью, – с поправкой на японский аспект – воспроизводились его слова, выверенные и рассчитанные для того, чтобы произвести надлежащий эффект. Гурьев притворился несказанно удивлённым:

– Вы превосходным образом развили мою мысль, Сигэру-сама. Только теперь, под вашим пером, она обрела необходимые ей изящество и законченность. Но я, признаться, теряюсь в догадках... Что будет с этим текстом дальше?

– О, это такой мой маленький сюрприз для вас, Гуро-сама. Вы считаете, что я понял вас правильно?

¹⁷ Матча – специальным образом приготовленный из чайных листьев порошок зелёного чая, используемый в чайной церемонии.

¹⁸ Чясэн – специальный венчик, которым взбивают ровную, густую пену в чашке с зелёным чаем.

¹⁹ Кобукуси – тряпичная салфетка, на которой подают чашку с чаем.

– Никто не смог бы сделать это лучше, Сигэру-сама, уверяю вас, мой друг.

– Превосходно. Значит, мой сюрприз последует очень скоро. Взгляните ещё вот на это, Гуро-сама.

Гурьев принял из рук Иосиды кожаный переплёт и раскрыл папку.

«...Помни: ты – самурай Ямато, поэтому будь честен с врагом и милостив к покорённому.

Помни: ты – самурай Ямато, поэтому будь справедлив и не позволяй гневу руководить тобой.

Помни: уважая других, не похожих на него, самурай Ямато завоёвывает уважение и дружбу всех и каждого.

Помни: ты – щит, на котором начертана священная миссия Ямато – вести народы Азии к совместному процветанию.

Помни: ты – меч, по чистоте и блеску клинка которого судят о блеске и чистоте помыслов божественного Микадо...»

– Что это? – улыбнулся Гурьев. – Десять заповедей для самурая?

– Идея с заповедями не так уж бесперспективна, Гуро-сама, – улыбнулся в ответ Иосида. – Не вы ли утверждали, что при механизме их распространения, отлаженном надлежащим образом, успех почти гарантирован?

– Очень важно, чтобы эти заповеди не были заведомо невыполнимыми, Сигэру-сама, – Гурьев посмотрел на дипломата. – Мне кажется, здесь не хватает небольшого завершающего аккорда. Вот такого: «Помни: быть самураем Ямато – великая честь. Будь достоин её каждый миг твоей жизни». Как вы считаете, Сигэру-сама?

– Превосходно, – поклонился Иосида. – Именно так и должно это звучать.

– Что ж, – Гурьев захлопнул папку и совершенно обыденным жестом протянул её Иосиде. – Давайте попробуем, пожалуй. Привычка к повиновению в данном случае должна сыграть роль, исключительно положительную. Начнём с курсантов военных и военно-морских училищ... А, кстати, как там у нас обстоят дела с планом «Фугу»²⁰?

Глаза Иосиды прыгнули в сторону:

– Прошу прощения, мой дорогой друг. Я не помню, чтобы мы с вами когда-либо обсуждали этот вопрос.

– Совершенно верно, Сигэру-сама. с вами мы его действительно не обсуждали. Зато я обсуждал его с другими моими друзьями. Мне очень, очень интересно узнать, как продвигается этот план. Почему-то у меня создалось впечатление, что он довольно серьёзно... буксует. Как вы думаете, Сигэру-сама – отчего это происходит?

– Мы, как всегда, недостаточно последовательны и упорны в его осуществлении, Гуро-сама, – лёгкий вздох и поклон Иосиды свидетельствовал о глубоком раскаянии дипломата. – Я был бы очень признателен вам, Гуро-сама, если бы вы сочли меня достойным услышать ваше мнение по поводу этого плана и его воплощения в жизнь.

– Я думаю, те, кому принадлежит идея этого плана – генерал Хигуси и полковник Ясуэ – настоящие патриоты Ямато и очень, очень достойные люди, самоотверженные, благородные и отзывчивые, умеющие сострадать и лишённые глупых предрассудков. У этого плана есть только один серьёзный недостаток, мой друг. Но зато этот недостаток лишает такой замечательный во всех прочих отношениях план всякого смысла.

²⁰ План «Фугу» – план заселения Маньчжурии евреями-эмигрантами из Европы, в основном из Германии, разработанный в начале 30-х гг. XX в. правительством и Генеральным штабом Японии, который предполагал создание еврейского буферного государства в противовес советской Еврейской АО со столицей в Биробиджане. Назван так «в честь» ядовитой рыбы, чьё мясо обладает исключительными вкусовыми качествами, усиливаемыми допустимой дозой яда, – намёк на некие «опасные качества» евреев, делающих их особо «изысканным блюдом».

О, боги, в смятении подумал Иосида. Он знает не только о плане, но и о его авторах. Неужели у него есть настолько хорошо осведомлённые источники? Такэда? Нет, о Такэде он говорил мне сам. Значит, это кто-то ещё?

– Могу я узнать, в чём заключается этот недостаток, Гуро-сама?

– Конечно, ведь именно затем мы, очевидно, и обсуждаем его – здесь и сейчас. Всё дело в том, Сигэру-сама, что любой план осуществим только тогда, когда некая совокупность, совпадение мировых линий, воля Неба и воля людей совпадают. При этом всегда остаётся возможность выбора, чью сторону принимать – Тьмы или Света. Именно в этот выбор не могут вмешаться даже боги. Вы понимаете меня, мой друг?

– Думаю, да, Гуро-сама. Пожалуйста, говорите.

– Вы, несомненно, не раз слышали о том, что Всевышний, когда-то избравший евреев для служения себе, а потом разгневавшийся на них, изгнал их из земли, теперь именуемой Палестиной?

– Да, разумеется, слышал, Гуро-сама. Но должен, к своему глубочайшему стыду, признаться, что никогда не понимал, в чём состояло их преступление. Ведь это должно было быть нечто настолько ужасное, чтобы наказанием стала потеря родной земли. Да ещё и для целого народа?

– Вы совершенно правы, Сигэру-сама. Евреи были так ужасно наказаны не за то, что поклонялись чужим богам. И не за то, что были, скажем, корыстнее или развратнее других народов, живших с ними бок о бок. А за то, что не научились уважать друг друга в той мере, в какой требовал этого от них Всевышний. Ибо знал: только тогда они смогут служить ему по-настоящему, душой и сердцем, а не одной лишь головой. За грех беспричинной взаимной ненависти излил он на них свой гнев. И отправил их в изгнание для того, чтобы они поняли, каково это – быть беспричинно ненавидимыми. Всем народом целиком. А теперь скажите, мне, Сигэру-сама. Разве не стремится каждый японец домой, на землю богов?

– О да, Гуро-сама. Вы правы. Жизнь на чужбине для настоящего японца невыносима. Только гири может заставить японца делать это достаточно долго.

– То же самое – и с евреями, мой дорогой, любезный друг. Их сердца безраздельно принадлежат той земле, которую Всевышний завещал и передал их предкам – Земле Израиля, Иерусалиму. И теперь, когда евреев снова гонят и преследуют, им нужно помочь. Помочь вернуться в ту самую землю, которая им обещана – нет, не людьми, а Всевышним. Я полагаю, младший брат Тэнно, его императорское высочество принц Ясухито ²¹, чьи познания в языке и истории евреев вызывают у меня безграничное восхищение, сможет куда лучше меня, посредственного дилетанта, всё объяснить императору. Вероятно, он будет рад возглавить школу, которая поможет японцам лучше узнать евреев, в том числе и получить знания из первых рук. Мне кажется, японцам будет интересно ознакомиться с переводами литературного наследия, которое поддерживало евреев долгие столетия злключения на чужбине. А мы с удовольствием и надлежащим рвением поможем его высочеству. Что вы думаете об этом, Сигэру-сама?

– Я думаю, божественный Тэнно будет весьма заинтересован этой идеей, Гуро-сама. А ваша помощь, скорее всего, окажется более чем кстати.

– Несомненно, что время изгнания подходит к концу, – задумчиво проговорил Гурьев, подливая Иосиде сакэ. – Это чувствую не я один – это чувствуют очень многие, и евреи, и те, кто никак не связан с этим народом.

– Могу я спросить, как много евреев думают так, Гуро-сама?

²¹ Принц Ясухито (Чичибу) – второй сын императора Ясихито (Тайсё), был отправлен отцом в Шанхай, где изучал иврит и иудаизм под руководством раввина Шанхайской еврейской общины.

– Я понимаю подоплёку вашего вопроса, мой друг, – улыбнулся Гурьев. – Думают все, но далеко не все готовы и способны превратить свои мысли в дела. Первыми будут самые искренние, самые отважные, самые достойные. Они сделают возможным возвращение для остальных.

– Это очень простая и правильная мысль, мой дорогой Гуро-сама, – поклонился Иосида. – Она настолько очевидна, проста и естественна, что я не могу понять, почему она не пришла в голову мне самому. Поистине удивительно, как просто и ясно вы умеете внушить понимание – единственно верное понимание – тем, кто удостоился чести слушать вас, Гуро-сама. Иногда мне хочется убить себя – так негодую я на себя самого за то, что смею перебивать вас своими глупыми вопросами и надоедать вам своим невежеством и самомнением. Если бы вы когда-нибудь простили меня за это, Гуро-сама.

– Благодарные и терпеливые ученики радуют сердце учителя несравненно больше, чем блистательные и непочтительные лентяи, – улыбнулся Гурьев, и дипломат улыбнулся в ответ, давая понять, что принял и оценил шутку. – И добиваются несравненно больших успехов. Я никогда не сержусь на тех, кто задаёт мне вопросы, мой друг. Я не гневаюсь на тех, кто спорит со мной, потому что в споре мы можем узнать о мыслях друг друга и найти решение, устраивающее все заинтересованные стороны. А вот те, кто делает глупости, даже не подумав о том, что он, возможно, не так уж и прав, не так уж безгрешен – да, такие люди вызывают у меня горькое сожаление и недоумение. Например, меня очень волнует то, как некоторые из доблестных воинов Ямато, которым Тэнно поручил заботу о заморских владениях и имуществе Империи, понимают идею совместного процветания. Им кажется, вероятно, что «совместное процветание» – это когда все вокруг прилагают усилия исключительно ради процветания Ямато, а о собственном процветании ни думать, ни заботиться не собираются. Более того, эти, безусловно, отважные и искренне стремящиеся наилучшим образом выполнить волю Тэнно офицеры жестоко обращаются с теми, кому их представления и мысли, – нужно сказать, довольно странные мысли – совершенно чужды. Это страшная ошибка, Сигэру-сама. Пока ещё её можно исправить, но в какой-то момент граница будет пройдена, и уже ничто не сможет помочь. Совместное процветание – великая цель, но, как это ни удивительно, коротким и прямым путём, путём силы, достичь её невозможно. Путь к процветанию тернист и извилист, он требует выдержки и терпения, умения отступать и следовать Середине. И такой путь оказывается в результате наиболее удобным и требует менее всего ресурсов, особенно ресурсов невозобновимых. Посмотрите хотя бы на наше предприятие, мой дорогой друг. Разве мы врвались во дворец короля, разве мы сжигали города его страны или убивали его подданных десятками тысяч? И дело вовсе не в том, что нас мало, или мы чего-то не можем. Дело в том, что мы не хотим. Процветание не может быть основано на горе, страданиях, крови и насилии. Я думаю и вы, мой дорогой друг, и Тэнно прекрасно понимаете это.

– Да, Гуро-сама. Конечно, мы это понимаем. Но что нам делать с теми, кто не понимает? Ведь это – вы сами говорили о них – доблестные и преданные солдаты Тэнно, истинные патриоты Ямато...

– Возможно, им просто необходимо подобрать занятие, более соответствующее их разумению, состоянию духа и представлениям о достойном служении Родине, Сигэру-сама. На самом деле, это самая трудная из стоящих перед нами задач – правильные люди в нужных местах. Я с удовольствием помогу вам в этом. Мы ведь уже начали, не правда ли? – Гурьев улыбнулся и поднял свою чашку сакэ. – За великую Империю Ямато, Сигэру-сама. За возвращение изгнанных и за процветание всех. Не может быть, чтобы у нас не получилось, мой друг. Вместе у нас всё всегда получается. Главное – никогда не останавливаться на половине Пути.

Лондон. Сентябрь 1934 г.

Это был один из нечастых теперь визитов в Лондон, когда «кадеты» отрабатывали действия на «городском театре военных действий», включая «несанкционированные проникновения в особо охраняемые помещения» и кое-какие другие, не менее увлекательные упражнения. Предыдущий визит был приурочен к проводам Эйприл домой, в Америку, и оказался весьма краткосрочным. Маленькие Расселы и сама Эйприл за время, проведённое в Метроу Парке, практически сделались частью семьи, так что расставание было очень искренним и бурным.

Зато теперь Гурьев и Рэйчел сидели на веранде «Ритца» и ели пирожные – то есть, пирожные ела Рэйчел, – да и не столько ела, сколько исследовала их содержимое, – а Гурьев выслушивал короткие сообщения подсаживавшихся время от времени хорошо одетых джентльменов. Вечером – «разбор полётов», и следовало тщательно к нему подготовиться. Погода стояла великопепная – последние дни «бабьего лета» словно дразнили лондонцев, которые жадно пользовались благосклонностью природы – улицы и парки просто ломились от желающих проветриться, так что «учения» проходили в обстановке, близкой к идеальной.

– Что происходит? – безмятежно поинтересовалась Рэйчел.

– Тренировка, – Гурьев сделал символический глоток сельтерской из бокала.

– Княжеская дружина собирается захватить власть в Англии?

– В этом нет ничего невозможного, – пожал он плечами. – Но – фер-то с ней ке? Зачем?

– Ты, несомненно, придумаешь.

– И тебя это не пугает.

– Всё, что делает Джейк – добро. Всё, что мешает Джейку – зло, – она посмотрела на Гурьева с лукавой улыбкой.

– Это какая-то новая христианская ересь?

– Это я постепенно превращаюсь в домашнего попугайчика.

Наблюдая за тем, с каким удовольствием Рэйчел оглядывается вокруг, Гурьев со вздохом констатировал:

– В клетке, разумеется, скучно. А тут тебе нравится.

– Мне всегда тут нравилось, – живо откликнулась она. – Ты же знаешь, правда? Я в самом деле соскучилась по Лондону. Ну, немножко...

– Хорошо, – он снова вздохнул. – Я куплю этот отель.

– Что?! – Рэйчел чуть не выронила вилку. – Господи, Джейк, ты просто сошёл с ума!

– Отчего же, – спокойно парировал Гурьев. – Мне нужна штаб-квартира в центре Лондона, где я могу не бояться никого и ничего. Отель такого класса как раз подойдёт.

– Джейк, – Рэйчел вздохнула, укоризненно покачала головой и, улыбаясь, погладила его по руке. – Джейк, милый...

– Что?

– У тебя такие глаза, – опять вздохнула она.

– Какие?

– Как будто ты сейчас выстрелишь ими, Джейк. Разве можно так смотреть на людей? Люди ведь не виноваты. Они просто пугаются. Они же не знают, почему.

– Ты ведь не боишься.

– На меня ты смотришь совсем по-другому, – она положила ладонь Гурьеву на колено и больше уже не убирала её.

– Ну, вот, – он улыбнулся. Если бы он мог просидеть так всю жизнь, глядя в её лицо, чувствуя тепло её руки через тонкую шерсть костюма и невесомый шёлк перчатки. Но он не мог. Господи. Рэйчел. – Вовсе не страшно.

– Это ужасно. Ты не можешь расслабиться ни на секунду.

– Это не так, – Гурьев посмотрел на неё, и глаза у него действительно переменялись мгновенно. Кажется, даже цвет изменился. – Ты же знаешь, Рэйчел. Воин Пути не может распускать нюни. Нужно всегда быть готовым к бою. Каждый миг.

– Но здесь не Москва, Джейк. Это Лондон, здесь никто никого не трогает!

– Ошибаешься, моя девочка, – улыбка Гурьева превратилась в усмешку. – Ничего. Скоро ты сама всё увидишь.

– Что ты уже опять решил? – Рэйчел улыбнулась.

– Мы не так уж часто выходим на поверхность. Помнишь?

– Помню. И понимаю – ты приурочил это к очередному мероприятию, – кивнула Рэйчел. – Или приурочил мероприятие к этому, что, собственно говоря, одно и то же, особенно в твоём исполнении. Но мне всё равно, потому что я вижу, как на нас смотрят и как тебе это нравится, Джейк.

– Ты считаешь, это заметно? – нахмурился Гурьев.

– Не волнуйся, – хихикнула Рэйчел. – Это вижу только я. Все остальные видят сухопутный дреднот, готовый вот-вот обрушиться им на головы.

– Это ещё хуже, чем я предполагал, – не на шутку расстроился Гурьев. – Почему ты молчала?!

– Я думала, тебе это необходимо, – удивилась Рэйчел. – Честно говоря, я в последнее время привыкла находиться внутри сухопутного дреднота, в окружении команды сумасшедших головорезов, которые готовы превратить в пар любого, кто только осмелится посмотреть косо в мою сторону. И, говоря столь же честно, это мне надоело, потому что это...

– Немыслимо, – Гурьев наклонил голову к левому плечу.

– Именно так, – отрезала Рэйчел.

– Ну, тогда, вероятно, наступило время сменить тактику, – решил Гурьев, принимая вертикальное положение – как всегда, до такой степени стремительно, что у Рэйчел засосало под ложечкой – и протягивая ей руку. – Больше того, мы сделаем это прямо сейчас.

– Куда ты меня тащишь?! – беря его под локоть и с тревогой заглядывая в лицо, требовательно спросила Рэйчел. – И зачем?

– Сначала – «зачем». Затем, что пора заставить эту шушеру как следует всполошиться. Поэтому мы едем в «Бристольский кредит».

– Что?!?

– Я хочу открыть там счёт.

– О, Боже...

Они сели в автомобиль. Осоргин повернулся и, с удовольствием отметив, что встревоженная и влюблённая графиня Дэйнборо совершенно ошеломляюще восхитительно выглядит, с широченной улыбкой спросил:

– Куда, Яков Кириллович? – несмотря на многократные толстые намёки Гурьева на то, что пора и честь знать, Осоргин никому не желал и не собирался уступать обязанность, она же почётное право, возить главнокомандующего.

– Почему бы вам, Вадим Викентьевич, хотя бы разочек, для разнообразия, не спросить меня?! – прорычала Рэйчел. – Почему всегда только – «Яков Кириллович»?!

– Ты предъявляешь права на моих подчинённых, Рэйчел? – приподнял Гурьев правую бровь. – Это чревато последствиями.

– Ты что, угрожаешь мне?!

– Предупреждаю, – подозрительно кротким голосом произнёс Гурьев. – Права совершенно неразделимы с обязанностями, миледи.

– Я знаю!

– Отлично, – рявкнул Гурьев, обращая к ней смеющееся лицо. – Капитан, отвернитесь!!!

Когда воздух в лёгких закончился, Рэйчел с сожалением оторвалась от его губ, и, задыхаясь, проговорила:

– Если ты думаешь, что это может...

– А это?!

Осоргин, мужественно сражаясь с желанием взглянуть в зеркало заднего вида, понял, что продолжает улыбаться, закрыл глаза и принялся медленно считать про себя. Наконец, моряк услышал ласковый, немного дрожащий голос Рэйчел:

– Поезжайте, куда он скажет, Вадим Викентьевич. Только, ради Бога, не слишком быстро.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – ехидно осклабился кавторанг.

– Отвезите нас в «Бристольский кредит», – Осоргину показалось, что голос Гурьева звучит тоже как-то странно. – Потом отправляйтесь в «Морнинг Сан» и скажите редактору, что я приглашаю его на выдающийся, свинский скандал. После этого возвращайтесь и ждите нас у банковского подъезда. Будьте готовы в любой момент сорваться с места и прикиньте маршрут, чтобы быстро и незаметно выехать из города.

– Обижаете, Яков Кириллович. Всё давно просчитано и расписано.

– Вопросы?

– Никак нет. Разрешите исполнять?

– Исполняйте.

– Обещай мне, что всегда будешь так поступать со мной, когда я начинаю тебе возражать, – пробормотала Рэйчел, кладя Гурьеву голову на плечо и чувствуя себя самой умиротворённой и счастливой женщиной на свете – больше, чем когда-либо прежде. – Господи, Джейк, если бы ты знал...

– Я знаю.

– Что?!

Вместо ответа Гурьев снова закрыл ей рот поцелуем.

Лондон. Сентябрь 1934 г.

Усадив Рэйчел в кресло, Гурьев уселся перед предупредительно улыбающимся банковским клерком и оперся сцепленными в замок ладонями на «трость»:

– Говорят, у вашего банка какие-то проблемы?

Улыбка служащего сбилась с крещендо:

– Простите, сэр. Боюсь, я не совсем понимаю, о чём вы говорите. Наш банк имеет превосходную репутацию...

– А, перестаньте, – мерзко хохотнул Гурьев и сально подмигнул служащему. – Весь город только и твердит – у вас крупные неприятности. Вот, однако, графиня, – Гурьев небрежно ткнул подбородком в сторону Рэйчел, и она, хотя и абсолютно точно знала – Гурьев лицедействует, с ужасом поняла: не ведай она заранее о спектакле, ей не составило бы никакого труда поверить в его искренность. – Графиня Дэйнборо рекомендует мне открыть счёт именно тут. Правда, по словам самой леди Рэйчел, она ничего не смыслит в денежных вопросах. Поэтому я хотел бы встретиться с тем человеком, который ведёт дела графини, чтобы убедиться в вашей надёжности. Позовите-ка его сюда.

– Я... Я прошу прощения, сэр, – пролепетал клерк. – Кажется, вы хотели открыть текущий...

– Хотел, – оборвал его Гурьев, – и пока продолжаю хотеть. А теперь оторвите задницу от стула и сделайте, что вам говорят, ибо когда встану я, у вас немедленно начнутся неприятности, даже если вы ручаетесь, будто пока их у вас нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.